

LEGION20

ВЕРХОВНЫЙ

МАГ

Legion20

Верховный Маг

«China Literature»

Legion20

Верховный Маг / Legion20 — «China Literature»,

Содержание

Глава 1. Новое начало	5
Глава 2. День малыша	9
Глава 3. Неустанная практика	13
Глава 4. Понимание магии духа	17
Глава 5. Боли роста	21
Глава 6. Я знаю, что ничего не знаю	25
Глава 7. Обучение ремеслу	28
Глава 8. Обучение ремеслу заново	31
Глава 9. Обучение ремеслу, снова (2)	35
Глава 10. Изменения	39
Глава 11. Встречи	43
Глава 12. Встречи (2)	47
Глава 13. Новые решения, новые проблемы	52
Глава 14. Конфликты	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Верховный Маг

Глава 1. Новое начало

Примечание автора: история начинается с первой главы. Пролог знакомит с ГГ и рассказывает о его прошлом. Можете пропустить его, если вам не интересно, но я, как автор, рекомендую его прочитать.

– *Он жив! Я сделала это! Мне удалось спасти жизнь вашего мальчика.* (пожалуйста, помните, что * означает слова, которые Дерек не способен понять.)

После того как повитуха победоносно произнесла эти слова, комната взорвалась радостными криками и слезами счастья. Собравшиеся в комнате по очереди обнимали друг друга и мать.

Тем временем Дерек безвольно лежал на руках повитухи, оглядываясь по сторонам и пытаясь определить, насколько плачевно его нынешнее положение.

«Что ж, что ж, что ж. Что тут у нас? Лежащая в постели женщина – очевидно, мать этого тела. Ей определённо не помешало бы помыться». После родов простыни были испачканы кровью, мочой и фекалиями.

«Плачущий, грубоватого вида мужчина, должно быть, отец. Интересно, он плачет из-за меня или просто потому, что боялся потерять жену? Ставлю на второе. Вероятно, у меня есть старшие брат или сестра. Это не сулит ничего хорошего».

Внезапно в спальню вошла ещё одна женщина, ведя за собой маленького мальчика и девочку, которые бросились к лежащей в постели женщине.

«О, чёрт! Это даже хуже, чем я думал. Пока у меня есть только два варианта. Вариант первый: расти в этой большой семье, каждый день борясь за скудные ресурсы. Недоедание практически гарантировано».

«Затем, когда я подрасту, меня заставят работать с родственниками, жениться и заводить детей. Вариант второй: подождать, пока я смогу дотянуться до острых предметов, покончить со своими страданиями и испытать удачу в реинкарнации ещё раз, в надежде на лучший исход. Думаю, я выберу второй вариант».

Пока Дерек размышлял, в комнате стало тише. Повитуха уже закончила обмывать новорождённого и завернула его в чистую ткань. Всё это время Дерек не двигался и не плакал.

– Нана, что с малышом? Почему он не плачет? Такого никогда раньше не было! – Мать так разволновалась, что, невзирая на боль, попыталась встать.

– *Тише, дитя! Не смей двигаться. Мне ещё нужно тебя исцелить,* – тон повитухи не допускал возражений. – *Я приняла десятки родов. Молчун – это редкость, но ничего особенного. Хочешь посмотреть, какой он сильный? Вот, смотри!*

Она развернула его из ткани и, осторожно придерживая, легонько шлёпнула Дерек, чтобы заставить его заплакать.

Дерек тихонько крякнул, с негодованием глядя на неё.

«По-плохому захотела, старая карга? – подумал он. – Отлично! Ты только что активировала мою карту-ловушку! Двойной Потоп, активация!» Дерек опорожнил и кишечник, и мочевой пузырь прямо на повитуху.

Атакующие с тыла забрызгали ей все ноги, а поток с парадного входа ударил ей в лицо и грудь.

Дерек громко захихикал.

– *Что ж, это не совсем то, чего я ожидала, но, как вы сами слышите, этот маленький бесёнок дышит просто прекрасно,* – повитуха передала ребёнка другой женщине, чтобы та его обмыла.

Дерек продолжал хихикать, гордясь своей работой. Умыв лицо тёплой водой с помощью ткани, старая карга движением указательного пальца левой руки начертила в воздухе круг, перечеркнув его посередине справа налево. Затем она произнесла одно слово.

– Экиду!

На кончике её пальца проявилась чёрная энергия. Она направила её на своё мокрое платье, а затем на туфли. Запах фекалий и мочи внезапно исчез вместе с их источником.

С открытым от шока ртом Дерек наблюдал, как его испражнения высохли, рассыпались и превратились в пыль. Это было сродни просмотру одного из тех ускоренных видео, где за минуту можно увидеть, как семя превращается в цветок.

«Борода Гейзенберга! Она не просто старая повитуха! Она настоящий маг, во плоти! За все свои три жизни я ещё никогда не был так счастлив так сильно ошибаться».

Дерек был в восторге, и не только потому, что в этом мире была магия, но и потому, что как только он услышал слово «Экиду», он почувствовал, как что-то внутри него щёлкнуло.

Словно что-то глубоко внутри него начало пускать корни, и он внезапно врос в самую ткань своей новой реальности.

Он начал одержимо повторять волшебное слово в уме и пытался запечатлеть в памяти каждую деталь кругового движения пальцем.

– *Теперь, когда я чиста, позволь мне остановить кровотечение, дорогая.* – Целительница подошла к матери и возложила руки над её промежностью.

«Время для новой магии? Покажи мне, пожалуйста!» – мысленно взмолился Дерек.

Сначала Нана широко растопырила пальцы, затем начала совершать обеими руками круговые движения, сперва поднимая их над головой. Затем она развела руки в стороны как можно шире, прежде чем соединить их на уровне пупка, положив ладонь одной на тыльную сторону другой.

– Винире Лахат!

Несмотря на то, что был полностью спелёнут, Дерек пытался подражать всем её движениям, шаг за шагом, запоминая каждую деталь, которую мог уловить, какой бы незначительной она ни была.

Сфера света окутала нижнюю часть тела матери Дерекса, и цвет её лица быстро восстановился. Бледная кожа вновь обрела здоровый розовый оттенок, а с её лица исчезли все следы боли и усталости.

И снова что-то внутри него щёлкнуло. После тёмной магии он отчётливо почувствовал, что просто услышав слово силы, он установил связь со светлой магией. Дерек не мог перестать ухмыляться.

«Если, и я подчёркиваю, если у меня достаточно магического таланта, это будет означать, что на самом деле есть третий, скрытый вариант, – подумал он. – Я смогу стать магом и впервые в жизни жить свободно! Никаких оков, никакой ответственности! Но лучше не слишком обольщаться. С моей-то удачей у меня может оказаться слабый талант или...»

Его размышления были резко прерваны, когда женщина, державшая его до этого момента, передала его матери.

– *Нана, ты уверена, что с ним всё в порядке? Он ещё ни разу не заплакал и не засмеялся. Он слишком тихий. После всего, что случилось, я очень боюсь, что с ним что-то не так.*

После этих слов атмосфера в комнате стала мрачной. Опасаясь, что отчасти виноват в смене настроения, и горя желанием исследовать третий вариант, Дерек изо всех сил изобразил младенца. Он захихикал, улыбнулся и начал пускать пузыри.

Подобные предположения задели профессиональную гордость Наны, но ей было не впервой иметь дело с тревожной матерью.

Она знала Элину с детства и принимала у неё всех детей. Нана не могла отрицать, что эти роды были одними из самых трудных в её практике.

Схватки длились часами, и ей пришлось несколько раз применять исцеляющие заклинания, чтобы остановить кровотечение. Когда она наконец увидела головку ребёнка, она поняла, что что-то не так.

Элина тужилась изо всех сил, но ребёнок был безвольным. Поэтому Нана поторопилась и руками вытащила ребёнка так быстро, как только смогла, и обнаружила, что он был удушен собственной пуповиной.

Перерезав и сняв её, Нана испробовала все свои лучшие заклинания, но безрезультатно. Целую ужасную минуту Нана считала, что ребёнок погиб.

Но затем исцеляющий свет наконец-то сработал, заставив ребёнка срыгнуть и освободив его дыхательные пути. Тогда и только тогда Нана смогла позволить себе роскошь расслабиться.

Исцеляющая магия не была чудом. Она могла усилить жизненную силу пациента, облегчая ему выздоровление от болезни или исцеление от травмы, но не могла сотворить жизнь.

Нана была чуткой, поэтому понимала, что Элине не нужен урок о магии. Она просто хотела получить заверения в том, что её ребёнок здоров.

– Не волнуйся, дитя моё. Я могу доказать тебе, что всё хорошо.

Нана погладила Элину по щеке, тепло улыбаясь, и взяла Дерек из её рук, снимая ткань так, словно показывала сокровище.

Нана осторожно уложила Дерек на сгиб левой руки, затем обвела его раскрытой правой ладонью и сказала:

– Винире Рад Ту!

Маленький сгусток света вышел из её ладони, затанцевал вокруг младенца, прежде чем проникнуть в его грудь.

Свет распространился от головы до пят, заставив его излучать тусклый свет.

– Видишь? Если бы на его теле была хоть царапина, моё заклинание обнаружения травм оставило бы это место тёмным. Твоё маленькое солнышко в порядке.

Энергия, текущая по его телу, заставляла Дерек чувствовать себя всесильным. За свою прошлую жизнь он чувствовал подобное лишь несколько раз.

Когда получил дипломы, когда наконец покинул родительский дом, когда избил хулиганов. Но все те разы это была мимолётная эмоция, длившаяся в лучшем случае несколько секунд.

Теперь всё было иначе, это был не просто адреналин. Настоящая магия, настоящая сила струилась по каждой клеточке его существа, заставляя чувствовать себя непобедимым.

Поэтому, когда заклинание начало угасать, он не мог с этим смириться.

«Нет! Вернись ко мне! Верни мне мою силу!» – подумал Дерек.

Он сосредоточился на последних остатках энергии, желая, чтобы они остались. Он не мог сотворить заклинание сам, но всё ещё чувствовал остаточную силу и начал подпитывать её своей собственной.

Свет Дерек перестал тускнеть и вместо этого становился всё сильнее и сильнее.

Нана была ошеломлена. Она никогда раньше не видела ничего подобного. Заклинание не должно было так работать.

Дерек хотел, чтобы это длилось вечно, но секунду спустя он уснул из-за истощения маны, и свет быстро исчез.

Нана снова завернула ребёнка и вернула его в объятия матери.

– Нана, что это было? – спросила Элина, полная изумления.

Старая целительница не знала, что ответить. В её голове возникло множество предположений, и все они требовали долгих объяснений, которые бы зря заставили Элину волноваться и, возможно, даже вынудили бы Нану повторить заклинание.

День был долгим, и у неё не было ни малейшего намерения затягивать его дольше необходимого, поэтому она позаимствовала строчку из любимой сказки своего детства.

– Дитя моё, я думаю, новорождённый может быть благословлён светом. Не нужно беспокоиться, нужно только радоваться.

Глава 2. День малыша

Первые дни Дереха в качестве младенца были мирными, но далеко не скучными. У него не было никаких обязанностей. Всё, что от него требовалось – это есть, спать, какать и время от времени издавать детские звуки или хвастаться за пальцы.

Это оставляло ему уйму времени на размышления о своём будущем.

На Земле не было секретом, что у детей больший потенциал к обучению, чем у взрослых, и поскольку его семья казалась человеческой или, по крайней мере, человекоподобной, он мог надеяться, что в новом измерении это тоже правда.

Судя по тому, что он мог видеть, его тело ничем не отличалось от младенца с планеты Земля. Он слышал своё сердцебиение и видел, как движется его грудь при дыхании.

Даже половые органы были такими, какими он их знал.

То же самое можно было сказать и о его новой семье. Если бы не существование магии, он бы просто подумал, что переместился во времени, но всё было очевидно не так просто.

Дерек быстро отбросил все гипотезы в духе «к какой расе я теперь принадлежу?» как излишние раздумья.

Одним из преимуществ младенчества было то, что невежество было совершенно нормальным. Когда придёт время, кто-нибудь его научит.

Он определил для себя два приоритета: номер один – выучить их язык. Все младенцы должны учить свой родной язык, и у него было не так много времени, прежде чем его сочтут слабоумным, так что расслабляться было нельзя.

Номер два – ему нужно было как-то разобраться в магии или, по крайней мере, в её основах. У этого тоже был крайний срок, поскольку его потенциал к обучению был на пике только до тех пор, пока его мозг не прекратит расти.

После этого он ничем не будет отличаться от любого другого человека с таким же талантом и предрасположенностью к магии.

Магию он поставил на первое место. Прослыть тугодумом было куда лучше, чем остаться слабаком на всю жизнь и быть вынужденным отправиться на новый круг перерождения.

Свой первый день в новом мире Дерек провёл в постели вместе с матерью, в то время как его отец спал и отдыхал в комнате мальчиков.

Всякий раз, когда кто-то говорил с ним, он внимательно слушал, пытаясь вычленив общие слова или закономерности.

В остальное время, когда он не ел или ему не меняли тканевый подгузник, он пытался сотворить одно из трёх известных ему заклинаний: Экиду, Винире Лахат и Винире Рад Ту.

Каждая попытка была провальной, он не чувствовал в себе ни йоты силы. Сравнивая то, что он видел, с тем, что знал по земной игре «Подземелья и Добыча», у этих заклинаний явно были вербальный и соматический компоненты.

Но это не могло быть всё, или, по крайней мере, он на это надеялся. Иначе все его усилия будут бесполезны, пока он не научится говорить.

С каждой новой неудачей его тревога росла. Страх перед неизвестностью и завтрашним днём начал нарастать. К тому же привыкать ходить под себя тоже было не из приятных ощущений.

К счастью, мать осыпала его исключительно любовью и нежностью, так что его день не был полной потерей. Несмотря на его предвзятое отношение к матерям из-за прошлой жизни, Элине удалось заставить его почувствовать себя любимым и защищённым. Это было совсем не так уж и плохо.

Итог его первого дня: нулевой прогресс в магии и никакого прогресса в языке. С другой стороны, его мать, казалось, была хорошим родителем, и он наконец-то узнал своё новое имя: Лит.

Второй день перевернул его мир с ног на голову.

Элина, проявив силу дикого быка, решила, что ей надоело отдыхать, и встала, чтобы помочь с повседневными делами.

У Лита появилась возможность увидеть её фигуру во весь рост. Несмотря на то что она родила днём ранее, она была привлекательной женщиной лет двадцати с небольшим. Она была весьма одарена во всех нужных местах, с подтянутым телом, закалённым тяжёлым трудом.

Её светло-каштановые волосы до лопаток были прекрасны, с повсеместными рыжими оттенками.

При свете свечи казалось, будто в них пляшут языки пламени.

«Увидеть маму с распущенными волосами в солнечный день, должно быть, потрясающее зрелище», – подумал Дерек.

Может быть, потому, что Лит всё ещё был младенцем, или из-за связи между матерью и сыном, но Лит испытывал за неё глубокую гордость.

Он также обнаружил, что она не носила ни бюстгалтера, ни трусов.

Закончив одеваться, Элина запеленала Лита, лишив его возможности двигаться. Затем Элина поместила его в свою перевязь, используя её как колыбель для младенца, чтобы легко держать его одной рукой и с минимальными усилиями.

Она вышла из маленькой спальни и застала свою старшую дочь, Рену, которая возилась с камином.

«Именем Великой Матери, что ты творишь, Рена? Солнце ещё даже не взошло, ты должна спать. Ты же знаешь, что тебе нельзя баловаться с огнём!»

Сказала она, прошипев, стараясь не разбудить дом.

«Прости, мам. Я просто хотела сделать всем сюрприз. Чтобы вы проснулись в уже тёплом доме, когда завтрак будет готов». На лице Рены отражалась лишь искренняя забота.

«Не о чем беспокоиться, глупенькая пчёлка. Твоя мамочка – профи в обращении с детьми», – сказала Элина, взъерошивая её волосы.

Рена, вместе со своим братом-близнецом Орпалом, была старшим ребёнком. Ей было шесть лет, и её светлые волосы с чёрными прядями были причиной её прозвища.

Элина прогнала её от камина, зажигая дрова щелчком пальцев.

«Инфиро!»

«Слава небесам! – возрадовался Лит. – Я снова испытал то странное чувство, которое возникает, когда я открываю новый вид магии. Это доказывает, что мне не просто померещилось!»

Элина послала Рену открыть оконные ставни, чтобы впустить рассветный свет, пока сама готовила завтрак.

Элина достала несколько овощей из шкафа и принялась резать их ножом. Некоторые показались Литу знакомыми, например, нечто вроде картофеля и морковь странного цвета. Остальные были для него загадкой.

Мысль о таком завтраке заставила Лита чуть не расплакаться. В прошлой жизни он никогда не любил овощи, они все были безвкусными. Сколько бы он их ни ел, через полчаса он снова был голоден.

Элина свалила всё в небольшой медный котёл и с помощью крюка подвесила его на металлическом пруте над огнём.

После этого она сотворила воду из ниоткуда щелчком пальцев и наполнила котёл.

И Лит, и Рена были в восторге, хотя и по совершенно разным причинам.

Для Литы это означало надежду. Заклинания можно было творить без слов или точных движений рук. Это доказывало ему, что есть реальный шанс практиковать магию, будучи младенцем.

Для Рены это был повод для гордости. Магия была обычным делом, но каждый раз, когда Элина творила безмолвное заклинание, это было, будто наблюдаешь за работой настоящего мага.

«Ты такая потрясающая, мама!» – глаза Рены были полны восхищения. «Я когда-нибудь стану такой же хорошей в магии, как ты?»

«Конечно, станешь, глупенькая пчёлка», – ответила Элина с доброй улыбкой, мысленно добавив: «После десяти с лишним лет ежедневных хлопот».

Через некоторое время все проснулись, чтобы позавтракать вместе. Семья состояла из Рааза (отец), Элины, двух дочерей (Рены и Тисты) и двух сыновей (Орпала и Триона).

Лит смог с удручающей уверенностью установить, что никакой ванной комнаты в доме не было.

Судя по тому, что он видел, дом состоял из большой комнаты, служившей столовой, кухней и кладовой, с тремя дверями, ведущими в различные спальни, и больше ничего.

Завтрак был относительно тихим, так что у него не возникло проблем с изучением слова для магии воды, когда его отец наполнил несколько кувшинов.

«Йорун!»

После того как все разошлись по своим повседневным делам, Элина вместе с Литом переместилась в кресло-качалку. В течение утра он с удовольствием обнаружил, что в новом мире повседневные дела, такие как мытьё посуды или уборка полов, выполнялись с помощью магии.

Сидя в кресле-качалке, Элина просто вращала указательным и средним пальцами, произнося «Брезза!», чтобы создать до трёх небольших вихрей, которые она перемещала по всему дому, чтобы собрать и избавиться от пыли.

Всякий раз, когда кто-то пачкал пол землёй или грязью, движение запястья и «Магна!» отправляло её обратно за ту же дверь, через которую её занесли.

Лит был в восторге, обнаружив, насколько обиденным было использование магии. Все в семье, даже младшие, использовали магию, чтобы облегчить себе жизнь.

Когда пришло время спать, Литу не терпелось попробовать магию. Он так долго ждал, когда его руки и ноги наконец-то освободятся.

Элина уснула почти мгновенно, но Лит был настолько нетерпелив, что ему показалось, будто он ждал часами.

Проведя целый день в раздумьях, он решил пробовать только воздушную магию, по крайней мере, пока не обретёт достаточной уверенности в своей способности контролировать магию.

Огонь был слишком опасен для новичка, в то время как вода и свет легко разбудили бы его мать. В тусклом свете комнаты Лит не мог разглядеть грязи, которой можно было бы управлять, и он слишком боялся связываться с магией тьмы, пока не разберётся в ней получше.

Итак, он покрутил своей маленькой ручкой и сказал: «Эаа». Ничего не произошло.

Лит пробовал и терпел неудачу бесчисленное количество раз, прежде чем сдаться. Он не знал, сколько его младенческое тело продержится до того, как уснёт, поэтому перестал отчаиваться и начал думать.

Магия была обычным делом. Всякий раз, когда он впервые слышал слово стихийной магии, что-то внутри него щёлкало. Словно это создавало связь между ним и стихийной энергией.

Всё это были хорошие новости, но он всё ещё не мог понять, почему постоянно терпел неудачу. Он не ожидал успеха с первой попытки, но думал, что хоть что-то должно проявиться.

Случайный крошечный порыв ветра, искорка света – сгодились бы что угодно.

Он начал вспоминать, как целитель наполнил его силой. Это чувство не было для него новым, но он никогда не испытывал его так интенсивно.

Лит порылся в своей памяти, пока не нашёл ответ. Это было то же самое ощущение, которое он испытал, когда начал заниматься джиу-джитсу, изучая базовую технику дыхания.

«Что ж, терять мне нечего. Попробую».

Лит вдыхал диафрагмой, расслабляя анус, чтобы втянуть в себя мировую энергию.

Затем он сжимал анус, задерживая дыхание на несколько секунд, чтобы дать энергии осесть, прежде чем выдохнуть, расслабляя всё тело.

Там, на Земле, он всегда думал, что опьяняющее чувство, которое он испытывал в первые дни практики, было просто каким-то эффектом плацебо.

Его наивный молодой разум обманывал сам себя, будто слабый мог чудесным образом стать сильным, просто веря и практикуя всю эту чушь про Ки/внутреннюю энергию.

Но что, если позже он перестал испытывать это ощущение только потому, что энергия его родного мира была слишком разрежена?

Через некоторое время Лит начал чувствовать покалывание по всему телу, а затем энергия, казалось, двинулась и сконденсировалась в его солнечном сплетении.

Чем дольше он выполнял дыхательную технику, тем отчётливее чувствовал, как энергия стабилизируется.

В его старых видеоиграх мана всегда была синей. Поэтому он представил синюю сферу, оседающую в его солнечном сплетении.

Спустя какое-то время Лит почувствовал, что переполнен силой. Задержав дыхание в последний раз, он покрутил своей маленькой ручкой и скомандовал: «Эааа!»

Созданный им ветер едва шевельнул волосы его матери, хотя целился он в одеяло, но он не мог перестать ухмыляться.

«Это и впрямь отличное начало!»

Примечание автора: история начинается с первой главы. Пролог представляет ГГ и объясняет его предысторию. Можете пропустить его, если вам не интересно, но как автор я рекомендую его прочитать.

Глава 3. Неустанная практика

В последующие недели дни Лита состояли из строгого распорядка.

Днём, когда он был полностью запелёнут, он сосредотачивался только на практике техники дыхания и на том, чтобы как можно больше узнать о своей семье и их языке.

Ночью он практиковал магию, пока изнеможение не заставляло его уснуть. Затем, как только он просыпался, он начинал снова и продолжал, пока Элина не вставала.

Он не раз пытался сделать перерыв, но это никогда не длилось долго. Жизнь в теле младенца была нелёгкой. Напротив, она была очень напряжённой.

Он не мог произносить даже те слова, которые уже понял, чтобы не напугать свою семью. Он не мог двигаться. Он не мог делать ничего, кроме как смотреть, спать, есть и испражняться.

Он не привык быть таким беспомощным и зависимым от кого-то другого в каждой мелочи. Слишком много свободного времени доводило его до грани безумия.

Поэтому он практиковался и практиковался, пытаясь приспособиться к новой реальности и не слишком задумываясь о том, насколько абсурдной была его ситуация.

С ростом сил Лита рос и его контроль. Через несколько недель он почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы попробовать магию земли и магию воды.

Он всегда был осторожен, создавая не больше нескольких капель воды или управляя горсткой земли. Он обнаружил, что можно заставлять стихии парить в воздухе, меняя их форму и размер, постоянно расходуя ману.

После этого он сместил акцент своих ночных тренировок с силы на концентрацию и контроль. Его мана была очень ограничена, и он предпочитал идеально выполнить несколько сложных трюков, чем делать много всего с риском раскрыть себя.

Какой бы распространённой ни была магия, Лит сомневался, что младенец, практикующий её, может вызвать что-то иное, кроме шока, если не ужаса.

Лит боялся, что семья его бросит или, что ещё хуже, убьёт.

Он снова боялся смерти, ведь теперь ему было что терять. Каковы были шансы найти другой мир, где существует магия, и родиться младенцем в любящей семье?

Зеро. Никаких. Ни единого. Шиш.

Ему нужно было хорошо разыграть свои карты и держать их как можно ближе к груди. Прежде чем раскрыть хотя бы намёк на свой талант, ему нужно было узнать, каковы стандарты этого мира.

Какой уровень таланта считался хорошим? Какая грань отделяла признание гением от клейма монстра?

Его разум постоянно одолевали тревоги, и только тренировки могли облегчить его беспокойство.

Через три месяца он достаточно хорошо овладел беззвучной магией, чтобы попробовать магию огня на камине.

Огонь уже горел, и когда все были заняты разговорами и едой во время завтрака, он попытался заставить пламя танцевать по его воле. Это закончилось неудачей, поскольку пламя было слишком сильным, а расстояние – слишком большим, чтобы его мана возымела хоть какой-то эффект.

И всё же он продолжал пытаться, поскольку всё ещё чувствовал поток магии, идущий от него к камину, что делало это хорошей тренировкой для расширения его чувства маны и дальности.

Единственным недостатком всех этих тренировок было то, что Лит быстрее становился голодным. К счастью, он был не первым обжорой у Элины, и у неё не было недостатка в молоке.

Прошёл ещё месяц, и Элина начала отлучать его от груди.

Это событие было значимым по двум причинам. Во-первых, Лит заметил, что еды в его доме не было в избытке, поэтому, даже имея ограниченный словарный запас, он мог читать беспокойство на лицах родителей каждый раз, когда его нужно было кормить.

Несмотря на то, что в глубине души он оставался хладнокровным, циничным мизантропом, Лит не мог не чувствовать себя виноватым.

Они любили его как своё дитя, в то время как он считал их не более чем носителями, словно паразит. Исключением были только Элина и Рена, его старшая сестра, единственная, кто, помимо матери, заботилась о нём.

Своей постоянной любовью, нежностью и заботой они сумели пробить брешь в его стене эмоциональной защиты. Чем больше времени он проводил с ними, тем больше считал их частью своей настоящей семьи, а не просто людьми, которых он водил за нос.

Он начал ограничивать свои тренировки, чтобы не превышать то количество еды, которое они могли себе позволить.

Даже это потребовало немало попыток, чтобы найти правильное количество, поскольку слишком малое вызывало бы даже больше беспокойства, чем слишком большое.

Второй причиной стали открытия мирового масштаба.

Вынужденный как можно реже тренироваться в магии, Лит получил свободное время, которое посвятил практике техники дыхания, названной им «Аккумуляция».

Таким образом, его внутренняя энергия, которую он давно прозвал «ядром маны», росла быстрее, пока не упёрлась в узкое место.

По-видимому, его тело не было достаточно большим, сильным или и тем, и другим одновременно, чтобы вмещать неограниченное количество маны. Лит никогда не замечал этого раньше, потому что его младенческое тело быстро росло, и у него было не так много времени на расширение ядра маны.

Так что, сам того не осознавая, его тело и ядро маны развивались вместе.

Но теперь баланс был нарушен, и практика Аккумуляции заставляла болеть каждую клеточку его тела, поэтому он был вынужден остановиться.

К счастью, его всё ещё хорошо кормили, и он быстро развивался, поэтому, несмотря на неспособность выполнять какие-либо физические упражнения, эти узкие места не задерживались надолго.

Второе открытие стало результатом того, что он был вынужден не практиковать магию и не использовать Аккумуляцию.

Изучая это узкое место, он обнаружил, что можно изменить технику дыхания, убрав этап задержки дыхания. Таким образом, мировая энергия просто протекала сквозь его тело, наполняя его энергией, словно хороший ночной сон.

Лит назвал эту новую технику «Бодрость».

После нескольких попыток он обнаружил, что мана мира может позволить ему бодрствовать несколько дней подряд, но не бесконечно.

Каждый раз, когда он использовал Бодрость, бодрящий эффект длился всё меньше, и только сон восстанавливал её эффективность.

Но самое важное открытие, как это почти всегда бывает, было сделано случайно.

После того как Лит скорректировал потребление пищи, его величайшим врагом стал голод. Не тот лёгкий голод, который можно утолить конфетой, и не желание перекусить после хлопотного утра.

Это был тот голод, который никогда не проходит, всегда таится где-то рядом, даже сразу после еды. Хотя Лит не голодал, это было то, чего он никогда прежде не испытывал.

Среди всех неурядиц его первой жизни еда никогда не была проблемой. Он всегда мог есть до отвала, даже позволяя себе быть привередливым в еде.

Но теперь он был так голоден, что съедал каждую порцию до последней крошки, и, если бы его тело позволяло, он бы без колебаний облизал тарелку дочиста.

В хорошие дни, когда порции были больше, это было похоже на белый шум – раздражающий, но легко игнорируемый. Однако в плохие дни, либо потому, что порции были меньше, либо потому, что он увлекался практикой магии и потреблял слишком много маны, голод становился занозой в голове.

Он был так голоден, что весь день испытывал головные боли, часто чувствуя головокружение и будучи неспособным сосредоточиться. Еда была единственным, о чём он мог думать или мечтать.

Конечно, он был не единственным голодающим в семье. Помимо Элины, кормить его поручали только его брату и сестре – Орпалу и Рене.

И если у Рены было большое сердце, и она стремилась быть похожей на мать, то Орпал с каждым днём становился всё злее и голоднее. Он часто мечтал о тех днях, когда он и его сестра-близнец были единственными детьми в доме.

Теперь ему приходилось каждый день бороться не только за внимание родителей, но и за еду и одежду.

Когда-то у него была своя собственная комната, но теперь ему приходилось делить её с Трионом. Это был лишь вопрос времени, когда Лит придёт, чтобы отнять то небольшое личное пространство, что у него ещё оставалось.

Орпал не мог понять, почему такая бедная семья, как его, продолжает заводить детей.

Была зима, поэтому работы было немного. Следовательно, было не так много возможностей пополнить запасы еды, и их должно было хватить до весны.

Это было самое тяжёлое время года для всех крестьянских семей, поскольку еда предназначалась не только для людей, но и для скота.

Орпала тошнило от вида того, как Лит пожирает всю еду, до такой степени, что он прозвал его «Пиявкой».

Поэтому, когда наступала его очередь кормить маленького паразита, он съедал несколько ложек сам, но Лит был не из тех, кого легко обидеть.

Как только он замечал, что ложка направляется не к нему, он начинал отчаянно плакать, и Элина прибегала к нему, срывая план Орпала.

Лит никогда не плакал, если только его не нужно было покормить или сменить пелёнки. Это делало их родителей одновременно очень счастливыми и параноидально встревоженными. Поскольку он никогда не поднимал тревогу зря, они воспринимали каждый его вопль очень серьёзно.

Тот день был для Лита очень плохим. Он умирал с голоду из-за скачка роста, и настала очередь Орпала о нём заботиться.

Обоих родителей не было дома. Одна из коров, похоже, страдала от обморожения.

Орпал взял тарелку с густым кремовым супом для ребёнка и проглотил полную ложку.

Лит тут же заплакал, но услышать его было некому.

– Плачь, сколько влезет, *Пиявка*. – Лит теперь мог понимать большинство обычных слов, включая насмешки Орпала. – Сегодня только ты и я. Мамочка в сияющих доспехах не придёт тебя спасать. – Сказав это, он проглотил ещё одну ложку.

Лит чувствовал, что сходит с ума. Он снова был беспомощен. Его так называемая магия оказалась бесполезной в трудную минуту. Что он мог сделать, кроме как раскрыть себя?

Обдуть его ветром? Облить его водой? Использовать огонь было слишком опасно. Одна порция еды не стоила того, чтобы сжечь дом.

Голод пожирал Лита изнутри, из-за чего его ярость превзошла всё, что он когда-либо считал возможным.

«Ублюдок! – мысленно завопил он. – Крутым себя почувствовал, обворовывая ребёнка?»

Затем он увидел, как третья ложка движется к самодовольному лицу Орпала. Добрая половина его еды, считай, пропала.

Гнев Лита достиг нового пика, его ненависть пылала, как огонь.

«Ты мне не брат! – мысленно кричал он. – Ты просто грязный вор. Мразь!»

И тут, вместо щелчка, он почувствовал, как что-то внутри него сломалось, словно плотина, больше не способная сдерживать бушующие воды.

«НАДЕЮСЬ, ТЫ ПОДАВИШЬСЯ ЭТОЙ ЛОЖКОЙ, ДЕРЬМО!» – Лит взмахнул рукой в сторону Орпала в последнем усилии, и это случилось.

Лит почувствовал, как мана, излучающаяся из его тела, достигла ложки, уже бывшей во рту Орпала, и с силой толкнула её вглубь.

Орпал начал задыхаться и, вытащив ложку из горла, его вывернуло наизнанку.

Лит был так ошеломлён, что почти забыл и о ярости, и о голоде.

Он открыл для себя нечто чудесное – силу, которой, казалось, не было ни у кого другого в его семье.

Лит открыл для себя магию духа!

Глава 4. Понимание магии духа

В это время Элина и Рааз (отец) возвращались в дом. Услышав отчаянные крики Лита, они прибежали проверить, что с ним случилось.

Обнаружив на полу блюющего Орпала, они поняли, что произошло. У них и раньше были подозрения, так как всякий раз, когда Орпал кормил Лита, тот оказывался голоднее обычного.

Теперь у них было доказательство. В луже рвоты отчётливо виднелся непереваренный сливочный суп.

Рааз побагровел от гнева.

– *Ах ты, маленький...!* – но ему пришлось замолчать, так как вернулись и остальные его дети.

– Я очень *разочарована* в тебе, Орпал, – сказала Элина, видя, что её муж слишком зол, чтобы говорить.

– *С этого момента Лита будет кормить Элина. А ты возьмишь на себя все её смены в конюшне. Не думаю, что даже ты станешь есть сено.*

– Но, мама... – попытался защититься Орпал. Он ненавидел коров и их запах.

– *Никаких «но», молодой человек!* – прорычал Рааз. – *И этого наказания недостаточно!* Элина, *смело готовь для Лита ещё одну миску, и возьми еду из порции Орпала! Он должен усвоить, что у плохих решений есть последствия!*

Они говорили слишком быстро для Лита, и в их речи было слишком много незнакомых слов, но Орпал только что побледнел. Значит, это были хорошие новости.

Орпал начал плакать и извиняться, но Лит постарался плакать громче. Рааз и Элина проигнорировали мольбы Орпала и отправили его ухаживать за животными.

Получив щедрую порцию супа с молоком, Лит наконец смог сосредоточиться на том, что произошло. После нескольких дней экспериментов методом проб и ошибок он постиг основы своей новообретённой способности и получил гораздо более глубокое понимание магии.

Лит обнаружил, что когда он применял стихийное заклинание, оно на самом деле состояло из трёх этапов. Сначала он испускал ману, затем ему нужно было смешать её с мировой энергией, которой он пытался манипулировать. Последний шаг был самым трудным – контроль над заклинанием и его эффектами.

Магия духа пропускала второй шаг. Она использовала только его собственную силу, не заимствуя стихийную энергию. Это делало её сложнее любой магии, которую он практиковал до сих пор, и более затратной по мане.

Она также требовала гораздо большей концентрации по сравнению с обычной магией. Чистая мана не имела физической формы, поэтому он не мог полагаться на свои глаза для управления её эффектами.

Всё зависело от его силы воли и воображения. Чем чётче был мысленный образ действия, которое он хотел заставить ману исполнить, тем лучше был результат.

Радиус действия магии духа также был очень ограничен, едва достигая метра (3,28 фута).

Несмотря на все её строгие ограничения, Лит начал практиковать только магию духа. Главным открытием в ней стало то, что каждое его достижение в магии духа также передавалось и на все остальные виды магии.

Ему больше не нужно было распределять практику между ними, так что по сравнению с прежним его прогресс пошёл семимильными шагами.

Время от времени он использовал случайное стихийное заклинание, чтобы проверить свой прогресс, достигая нового понимания истинной природы той или иной стихии.

Достигнутый Литом прогресс позволил ему также улучшить свои дыхательные техники.

С помощью Аккумуляции он теперь мог не только воспринимать, как его ядро маны меняется в размерах с практикой, но и примерно понимать количество маны в своём теле.

Используя Аккумуляцию, он питал своё ядро маны мировой энергией, позволяя ему расширяться с размера булавочной головки до стеклянного шарика.

Как только ядро маны выросло до размера шарика, дальнейший прогресс становился возможен лишь тогда, когда физическое тело насильно сжимало ядро маны обратно до размера булавочной головки.

Лит понятия не имел, как работал этот феномен, и не нашёл способа его обойти. Развитие ядра маны и тела должны были идти рука об руку, коротких путей не существовало.

Узкие места возникали, когда Лит пытался использовать Аккумуляцию, в то время как ядро маны всё ещё было на пике своего размера. Мировая энергия отвергалась ядром маны, диким потоком проносясь по его телу и повреждая его.

Благодаря постоянным циклам расширения и сжатия его объём маны уже был несравним с тем, каким он был при рождении.

Открыв для себя и начав практиковать магию духа, Лит получил гораздо более тонкий контроль над своей маной, как внутри своего тела, так и снаружи.

Ему удалось изменить Технику Бодрости так, что, вдыхая мировую ману, он объединял её со своей собственной, временно превышая свои пределы.

Затем он расширял получившуюся энергию, направляя её от солнечного сплетения наружу, пока даже волосы на его теле не переполнялись маной.

С тех пор как он изобрёл Бодрость, он заметил качественные изменения в своём теле. Теперь Лит лучше переносил холод и жару. Он почти никогда не болел.

Когда вся его семья подхватывала простуду, он либо справлялся с ней до проявления симптомов, либо выздоравливал за несколько дней.

«Если это не безумное совпадение, то улучшение Бодрости – единственный доступный мне способ закалить тело. Если я прав, то смогу использовать её как костыль, пока не стану достаточно большим для физических нагрузок», – подумал он.

«Надеюсь, это также поможет мне быстрее преодолевать периоды узких мест. Это рискованно, но вреда принести не должно. Кроме того, будучи семимесячным младенцем, я мало что могу поделаться с голодом и узкими местами».

Что касается его семейной жизни, то в последующие месяцы в ней тоже произошли некоторые изменения.

После инцидента с супом между Орпалом и Литом пролегла пропасть. Лит по натуре был мстителен, как и его брат.

Иногда, когда Орпал злился, он называл его Пиявкой вместо Лита, поскольку мысленно всегда его так и звал.

Каждая оговорка стоила ему серьёзной взбучки, а когда это происходило во время ожесточённого спора с родителями – то и хорошей порки.

Орпал винил Лита во всех своих несчастьях. Мелкий паршивец всегда хихикал, когда ему приходилось туго.

Отношения же Лита с родителями, наоборот, становились всё лучше и лучше.

Он уже начал лепетать, обязательно говоря «Мама», когда Элина обнимала его, и «Папа», когда к нему подходил Рааз.

«Если этот мир хоть немного похож на земное Средневековье, лучше быть у старика на хорошем счету, пока я не стану самостоятельным», – так рассуждал Лит.

Он всё ещё очень боялся отцовских фигур, да и отношения у них и так были не самыми лучшими. Рааз постоянно был чем-то занят, позволяя жене и старшей дочери проводить с младенцем больше всего времени.

В его защиту стоит сказать, что он просто ошибочно полагал, будто Лит слишком мал, чтобы что-то замечать, и что у них будет время наверстать упущенное в будущем, как это было с другими его сыновьями.

Рааз действительно любил его, а Лит не переставал его изумлять. Он не мог припомнить, чтобы тот плакал без причины, даже когда у него резались зубы.

Если кто-то задевал его колыбель или повышал голос, пока Лит спал – или, по крайней мере, притворялся спящим, – он не издавал ни звука, а лишь осматривался, прежде чем снова уснуть.

Лит всё больше привязывался к Рене. Она была для него скорее любящей тётей, чем сестрой. Он видел в ней себя, заботящуюся о своём младшем брате так же, как он когда-то заботился о Карле.

Он бы с радостью выразил эту привязанность, но всё, что он мог, – это улыбаться и смеяться, как только видел её, и называть её «Лала». Она, по сути, была единственной, помимо родителей, кто удостоился от него лепетного имени.

Это было немного, но для неё это значило целый мир.

Так шло время. Через шесть месяцев после своего появления Лита впервые опустили на пол, и он начал ползать под строгим присмотром. На девятом месяце он начал ходить и перешёл от лепета к настоящим словам.

В день своего рождения, обнаружив, что в новом мире тоже существуют дни рождения, он позволил себе использовать простые фразы и начал задавать вопросы, чтобы пополнить свой словарный запас.

Ничего не зная о младенцах, он испытывал сильный стресс, подбирая подходящее время для каждой мелочи. К счастью, Лит всегда мог схитрить, чтобы узнать, когда ему пора «научиться» что-то делать. Он уже был способен понимать большую часть услышанного, поэтому всегда был открыт для «подсказок».

Если Элина до смерти хотела, чтобы он наконец сказал «Мамочка» вместо «Мама», он ждал пару дней, прежде чем исполнить её желание. Если Рааз радовался, когда Лит бежал к нему, он бежал.

Настоящая проблема заключалась в том, чтобы обращать внимание на всё, что говорили Рааз, Рена и Элина, и при этом казаться совершенно невосприимчивым к их словам.

Другая проблема заключалась в том, что, как только ему позволили свободно передвигаться по столовой, ему также дали маленькие деревянные игрушки, ожидая, что он будет играть и исследовать окрестности.

Лит уже знал столовую как свои пять пальцев, да и смотреть там, в общем-то, было не на что. Тем не менее ему приходилось изображать любопытство.

Это было самое трудное, что ему приходилось делать с тех пор, как он стал младенцем, и это пугало его до смерти. Он понятия не имел, как ребёнок будет исследовать такую унылую обстановку, а паранойя, что его раскроют, заставляла его обливаться холодным потом.

Увидев в их глазах ожидание, он начал с ближайшего объекта – камина. Огонь в нём не горел, поленья были холодными и покрытыми золой.

Когда он подошёл ближе, Рааз остановил его.

– Это камин. Сейчас он безопасен, но огонь – это плохо. Огонь делает больно. Не трогай его, никогда.

Лит посмотрел на него с видимым замешательством, прежде чем попытаться сунуть руку в золу. Рааз схватил его за руку, преграждая путь.

– Огонь – плохой. Не трогай. Никогда, – повторил его отец.

Лит уставился ему в глаза, словно погрузившись в глубокие раздумья, а затем спросил: «Огонь плохой?»

– Да, очень плохой, – ответил Рааз, кивая.

– Хорошо, – Лит отошёл от камина и подобрался к столу. Когда он попытался залезть на стул и чуть не упал вместе с ним, Элина бросилась к нему на выручку.

– Добрые боги, этому малышу явно нравятся опасности, – видя их всё более обеспокоенные лица, Лит решил, что нашёл выход из своих мучений.

Он продолжил подвергать себя опасности, пытаясь залезть на стол или пробраться на кухню, чтобы порыться в кастрюлях и ножах.

Они быстро решили, что время его приключений подошло к концу. Его усадили на старую ткань, расстеленную на деревянном полу, и дали игрушки, чтобы он играл, пока они опра- вятся от стресса.

У него была маленькая деревянная лошадка, какая-то повозка и нечто странное, похожее на собаку. Играть ему было гораздо проще. Литу не нужно было придумывать истории или объяснять, что он делает.

Он мог просто использовать игровое время для практики магии духа. Лит на самом деле никогда не двигал игрушки руками, заставляя их парить как можно ближе к его пальцам.

Он по-настоящему наслаждался этими моментами. Лит наконец-то мог открыто радоваться, визжать и смеяться всякий раз, когда совершал новое открытие или прорыв, а всё, что видели его родители, – это счастливого ребёнка, ушедшего в свои фантазии.

– Кто бы мог подумать, что у такого тихого паренька может быть такое живое воображение, – сказал Рааз с широкой, гордой улыбкой на лице.

– Посмотри на него. У него всего лишь несколько старых игрушек, а выглядит так, будто он держит в ладонях целый мир.

Глава 5. Боли роста

Последующие годы дались Литу нелегко.

Ему наконец-то разрешили задавать много вопросов, и он заполнил большинство пробелов в своем словарном запасе, начав наконец узнавать о своей семье и новом мире.

Он узнал, что они живут в деревне Лутия, которая является частью графства Люстрия, в свою очередь входящего в состав Королевства Грифон.

Его родители знали о соседних странах лишь понаслышке. Они ничего не знали о том, что происходит за пределами деревни, да и не интересовались этим.

В их глазах король был кем-то вроде мифического зверя, тогда как все свои надежды и заботы они возлагали на графа Ларка. Он не только вершил правосудие и собирал налоги в графстве, но и всегда принимал участие в весеннем фестивале Лутии в качестве почетного гостя.

Родители никогда не рассказывали своим детям ничего о магии, войнах или истории. Они лишь рассказывали им сказки, которые даже в этом новом мире можно было с лёгкостью счесть за выдумки на ночь.

Все их басни были наполнены прекрасными принцессами, доблестными героями и злодейскими тиранами.

Лит был крайне недоволен таким скудным количеством информации. Он хотел знать название планеты и какой стадии научного развития достигла человеческая раса.

Он хотел узнать об истории магии, преданиях, легендах – обо всём, что могло бы дать ему хоть какую-то подсказку о том, чего ожидать от его новой жизни.

К сожалению, было ясно, что они знают немногим больше сплетен. Что еще хуже, он не мог задавать вопросы, о которых ему даже не полагалось думать.

По крайней мере, его семейное древо было довольно простым для понимания. Элина и Рааз поженились очень рано, даже по деревенским меркам, когда им едва исполнилось шестнадцать.

Будучи единственным ребенком, Рааз унаследовал ферму своего отца, где они сейчас и жили. Элина забеременела вскоре после свадьбы, родив близнецов Рену и Орпала.

Затем она беременела каждые два года. Это означало, что Раазу и Элине сейчас было по 25 лет, Рене и Орпалу – по 8, Триону – 6, Тисте – 4, и, наконец, Литу – 2 года.

На самом деле, большую часть этой информации он выудил из вопросов своих братьев и сестер. Сам Лит в основном ограничивался вопросами в духе: «Что это? А почему так?».

Проводя все больше и больше времени с остальными членами семьи, он также выяснил, почему, несмотря на то, что его отец владел такой хорошей фермой с собственным амбаром и курятником, у них было так много проблем с тем, чтобы прокормить семью.

Тиста родилась с врожденным заболеванием, которое не позволяло ей переносить какие-либо физические нагрузки, а также делало ее склонной к болезням.

Даже быстрой ходьбы было достаточно, чтобы у нее перехватило дыхание. Время от времени она кашляла, а когда состояние ухудшалось, кашель становился мучительным.

В такие моменты одному из родителей приходилось бежать в деревню, чтобы Нана пришла и вылечила ее. На самом деле она не могла ее излечить, а лишь облегчала симптомы и возвращала Тисту в ее обычное состояние.

Хотя осмотр стоил недорого, лечение было дорогим. К тому же, даже если Рааз сам забирал Нану и потом отвозил ее домой, это все равно стоило дополнительных денег.

Поездка туда и обратно означала, что она теряет клиентов, поэтому она требовала компенсацию.

Именно постоянная потребность в услугах целительницы так сильно давила на их бюджет.

Литу было очень ее жаль. Несмотря на то, что он не так много времени проводил с Тистой, она была дорога и Элине, и Рене, а этого было более чем достаточно, чтобы она стала дорога и ему тоже.

Он чувствовал себя беспомощным, проклиная свою неспособность практиковать магию света и тьмы. Для магии света требовался пациент. Пока он не получит четкого представления о том, как она работает и какова анатомия человека в этом мире, он не осмелится подвергать чье-либо здоровье риску.

С магией тьмы все было иначе. Лит видел ее лишь однажды, и никто в его семье ею не пользовался. В тот единственный раз, когда он видел ее в действии, он отчетливо ощутил заключенную в ней разрушительную силу.

Кроме того, он был предвзят к ней, поскольку на Земле темная магия всегда ассоциировалась со злыми ритуалами и нежитью, так что у него не было никакого желания связываться с чем-то потенциально ужасающим.

Литу оставалось лишь жить дальше, надеясь в конце концов получить какое-то обучение магии, и терпеть безумие, которое он уже привык называть семейной жизнью.

Он должен был быть живым, но не слишком. Любопытным, но не слишком. Он должен был бегать по дому, но никогда не выходить за дверь.

Его родители никогда не были довольны. Если он пытался сидеть в углу и медитировать, они беспокоились, что он слишком тихий или слишком ленивый. Если он пытался двигаться или помогать им, его ругали за то, что он путается под ногами.

Они отказывались учить его бытовой магии (так назывались простейшие заклинания, которые они использовали в повседневной жизни) и запрещали ему изучать ее.

Лит не мог выходить на улицу без сопровождения, не мог подходить к камину и не мог задавать слишком много вопросов.

Практически все было запрещено, пока он не «подрастет».

Лит не раз хотел закричать: «Может, я и молод биологически, но на самом деле я здесь самый старший, черт побери!», но все, что он мог сделать, – это смириться и повиноваться.

Его вражда с Орпалом так и не прекратилась, и он отчетливо чувствовал враждебность Триона, исходившую от него из-за брата. Очевидно, Орпал был для Триона тем же, кем Рена была для Лита, – его образцом для подражания.

В отличие от Орпала, Трион не игнорировал его полностью, даже когда родителей не было рядом. И все же Лит ясно видел, что каждый раз, когда брат помогал ему, это было лишь из вежливости. Между ними не было никакой теплоты.

Лит быстро начал игнорировать его в ответ.

«Я уже потратил половину своей прошлой жизни, беспокоясь о неблагополучных членах семьи. Плавали, знаем. Спасибо, но нет, спасибо. Хочешь быть козлом – флаг тебе в руки. Мне на тебя плевать». Таковы были его мысли по этому поводу, так что он пустил все на самотек.

Когда ему исполнилось три года, он больше не мог этого выносить. Скука, вызванная холодными зимними месяцами, когда он практически безвылазно сидел дома круглые сутки, усугубленная постоянным голодом, была готова свести его с ума.

Это был штормовой день, и семья собралась у камина. Элина учила дочерей шить. Рааз учил Орпала вырезать по дереву, в то время как Триону и Литу разрешалось только смотреть. Они были еще слишком малы, чтобы обращаться с острыми предметами, даже шитье было под запретом.

Лит уже спрашивал, чем сбил с толку отца и польстил матери. «Ты слишком мал, и твои руки еще слишком неуклюжи», – ответила она.

Впрочем, Элина была права. Тело Лита казалось еще более неуклюжим, чем его старое тело до того, как он начал заниматься боевыми искусствами. Одна только мысль о всей утраченной мышечной памяти была способна довести его до слез.

Поэтому он терпеливо дождался, пока Рааз закончит наставлять Орпала, а затем Лит собрал все свое мужество. Он попросил отца научить его читать, писать и считать.

Рааз был ошеломлен. «Ты слишком мал! Обычно дети ждут, пока им исполнится шесть лет, чтобы пойти в школу и учиться. Тебе не кажется, что это скучно?» Этой философии всегда придерживались все мужчины в его роду.

«Скучно? Что может быть скучнее, чем сидеть здесь и ничего не делать? Как вчера и позавчера. И, наверное, завтра тоже! Пожалуйста, папочка, попробуй! Я умоляю тебя, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!»

Рааз не знал, как отказать. Лит еще никогда ни о чем его не просил.

«Даже когда Лит все еще голоден, если он замечает, что еды больше нет, он никогда не просит добавки, – подумал он. – Он так не похож на Орпала. Не знаю, то ли это Лит слишком хорош, то ли я просто слишком балую Орпала».

Он очень хотел найти предлог для отказа, но Элина уже пристально на него смотрела. Ее руки не прекращали шить, а рот – объяснять девочкам, что они делают не так, но ее взгляд был явно устремлен на него.

«Черт, что же мне сказать? Учеба ведь даже не требует опасных инструментов... Точно! Инструменты! Какой же я иногда идиот».

Рааз посмотрел в щенячьи глаза Лита, его сердце сжалось, словно в тисках, но он все же ответил: «Прости, сынок, у нас нет ничего, на чем ты мог бы писать. Так что я не могу тебя научить».

Лит все тщательно продумал, прежде чем спросить, так что у него уже было готовое решение. Он взял самый большой поднос, какой у них был, и наполнил его золой, собранной в ведро у камина.

«Теперь есть! Мы можем писать сколько захотим!» Рааз был поражен изобретательностью Лита, как и Элина. Он собирался снова возразить, когда заметил, что ее пристальный взгляд сменился нахмуренными бровями.

Ее руки двигались слишком быстро, и это означало для него неприятности.

Снаружи бушевала буря, так что он не мог сбежать от той, что назревала внутри. Ему пришлось признать поражение и уступить.

«С чего ты хочешь начать?» Раазу оставалось лишь надеяться, что Литу быстро наскучит и он позволит ему вернуться к своему досугу.

«Со счета!» – быстро ответил Лит. Рааз сел на пол рядом с ним и начал чертить палочки в золе. Лит был в восторге.

Цифры, которые они использовали, по форме отличались от арабских, но в остальном были идентичны в использовании. Даже методы вычислений были те же.

Поэтому он выписал новые цифры в верхний ряд, чтобы выучить их начертание, а затем начал составлять таблицу умножения. На самом деле, он мог выполнять такие простые вычисления в уме, но ему нужно было запечатлеть новые цифры и в разуме, и в теле.

Когда он закончил, Лит начал принимать «заказы» от своей аудитории, и когда Орпал саркастически спросил: «Сколько будет 124 умножить на 11?», он быстро ответил: «1364», оставив всех в онемении.

Элина не смогла сдержаться, она встала и подхватила Лита на руки, крепко обняв.

«Мой маленький гений! Я так тобой горжусь!» Менее чем за час он освоил то, на что у других ушел бы целый год. Рена и Тиста вскоре присоединились к ее объятиям, поздравляя своего младшего брата, в то время как мужская часть семьи все еще была ошеломлена.

В сельской местности люди учились считать лишь для того, чтобы их не обсчитали при продаже или покупке товаров. Они помнили только сложение и вычитание, тогда как о бесполезных вещах вроде умножения и деления быстро забывали.

Чтение и письмо требовали больше времени, но были столь же просты. Лит уже знал большинство слов и как они произносятся. Ему нужно было лишь выучить и запомнить алфавит, чтобы уметь читать и писать.

И снова его семья была потрясена, и единственным, кто не радовался вместе с ними, был Орпал, оставшийся наедине со своей завистью и презрением.

Глава 6. Я знаю, что ничего не знаю

Официально научившись читать и писать, Лит практиковался каждый день. Хотя его семья и считала его гением, он-то знал, что это не так. Нуждаясь в усердных тренировках, чтобы запомнить всего лишь двадцать одну букву и десять цифр, Лит совсем не чувствовал себя гениальным.

Решив ковать железо, пока горячо, он попросил Рааза вырезать ему деревянную линейку, 50 сантиметров (19,7 дюйма) в длину и по 3 сантиметра (1,2 дюйма) в высоту и толщину.

С лицевой стороны Рааз выгравировал весь алфавит, а с обратной – цифры. Она стала для Лита шпаргалкой во время домашних заданий, инструментом, необходимым, чтобы он мог свободно практиковаться в любое время, не беспокоя родителей.

Рааз всё ещё был на седьмом небе от счастья, поэтому не стал задавать вопросов о странно больших размерах, которые попросил Лит. Он с лёгкостью мог бы сделать её намного тоньше и короче, чтобы её было удобнее носить с собой. Но Лит отказался от этого предложения, умоляя отца исполнить его желание.

Лит замечал враждебный взгляд Орпала каждый раз, когда кто-то называл его гением. Он должен был убедиться, что линейку будет нелегко сломать и что она не пропадёт «случайно».

К тому же это был идеальный предлог, чтобы всегда носить с собой предмет, на котором можно практиковать магию духа.

Когда погода наконец наладилась, Элина решила, что это идеальный момент, чтобы Нана осмотрела Тисту. Из-за холода и ветра последних дней, сколько бы усилий Рааз и Орпал ни вкладывали в ремонт дома, в нём всё равно ощутимо сквозило.

Тиста кашляла так сильно, что Элина всерьёз за неё беспокоилась. Она взяла повозку, запряжённую мулом, и повезла Тисту и Лита в деревню Лутия.

Непогода затянулась, и, чтобы успеть закончить всю накопившуюся фермерскую работу до новой волны заморозков, требовалась помощь каждого.

Ей пришлось взять Лита с собой, он был слишком мал, чтобы оставлять его дома одного. Укутав их в самую тёплую одежду, какая у них была, они отправились в путь.

Лит был очень счастлив. Он впервые видел мир за пределами фермы. Из такого опыта можно было многое почерпнуть.

По дороге их не раз донимали шальные грааты. Это были осоподобные насекомые с ядовитым жалом на конце брюшка. По сравнению с осами Земли, они были гораздо более волосатыми и синими, а не жёлтыми.

– Именем Великой Матери, почему они всё ещё летают? – пожаловалась Элина. – Они же должны спать зимой!

Один граат оказался особенно упрямым и, несмотря на все попытки его отогнать, всё время возвращался, пока не подлетел к Тисте на опасно близкое расстояние.

Лит с силой хлопнул в ладоши, но полностью промахнулся. Он всё ещё был ловок, как кирпич, а вот его магия духа – нет.

Она уже достигала радиуса действия в десять метров (32,8 фута) вокруг него, так что граат был без усилий раздавлен.

Лит с гордостью показал добычу. «Не волнуйся, старшая сестрёнка, я всегда буду тебя защищать». Обняв его, Тиста с большим любопытством уставилась на мёртвое насекомое, но Элина всё ещё опасалась яда, поэтому, выбросив его, они продолжили путь.

Когда в поле зрения показалась Лутия, многие сомнения Лита развеялись. Дело было не только в его семье – вся деревня очень напоминала те рисунки раннего средневековья, что он видел в учебниках истории.

Не было и следа каких-либо сложных технологий. Даже ветряная или водяная мельница считалась бы здесь чудом науки.

Когда Лит спросил Элину о деревне, та объяснила, что там жили только ремесленники, учёные и торговцы, а остальное население жило на собственных фермах, обрабатывая поля и разводя скот.

Лутия состояла из нескольких десятков одно-или двухэтажных деревянных домов, расположенных на хорошем расстоянии друг от друга. Ни один из них не был построен из камня или кирпича.

Также не было никакого дорожного покрытия. Пространство между домами было таким же, как и дорога в деревню, – голая земля и грязь.

По вывескам, висевшим снаружи зданий, Лит разглядел кузницу, таверну и портняжную мастерскую.

Пекарне не требовалось ни вывески, ни рекламы. Восхитительного запаха, который шёл из её трубы, было достаточно, чтобы у каждого прохожего потекли слюнки.

Лита так сильно одолел голод, что он уже знал, что ему приснится этой ночью.

Когда они прибыли к дому Наны, Лит с удивлением заметил, что он был больше их собственного, хотя Элина не раз говорила ему, что Нана живёт одна.

Для него это означало, что она либо из богатой семьи, либо, что более вероятно, целительство было прибыльным делом. Лит решил, что должен овладеть светлой магией как можно скорее.

Дверь была открыта, и, оказавшись внутри, Лит ощутил знакомую атмосферу врачебной приёмной. Дверь вела в одну огромную комнату, пропахшую лекарственными травами и благовониями.

В левом конце комнаты была дверь, вероятно, ведущая в жилые покои Наны. Справа висела огромная широкая занавеска, за которой Нана осматривала и лечила своих пациентов.

Остальное пространство было заставлено скамьями и стульями. Многие из них уже были заняты.

Многие семьи решили воспользоваться хорошей погодой и пройти осмотр. Элина сняла со своих детей всю лишнюю одежду, прежде чем велеть им вести себя тихо и не мешать другим.

Приёмная была полна скупающих матерей, и вскоре Элина стала одной из них. Она присоединилась к разговору, делясь своим опытом и советами.

Теперь Лит мог беспрепятственно бродить по комнате: женщины были слишком заняты попытками уследить за своими детьми, чтобы обратить на него внимание.

Комната была пустой и неинтересной, но, подойдя поближе к занавеске, он наткнулся на сокровище. Он нашёл небольшой открытый шкафчик, полный книг о магии.

«Может, в этом мире это как у врачей, которые вешают на стену свои дипломы», – подумал он. Многие названия были посвящены конкретной стихии или её применению, но одна книга привлекла его внимание.

На её обложке было написано «Основы магии». Убедившись, что на него никто не обращает внимания, он схватил её и начал читать.

«Мне всего три года. Я могу себе позволить действовать по принципу „лучше просить прощения, чем разрешения“», – затем Лит отошёл в угол, повернувшись спиной к занавеске и надеясь оставаться незамеченным как можно дольше.

Это была явно книга для начинающих, поэтому он пропустил введение и перешёл сразу к описанию стихий.

Лит обнаружил, что магия воды заключалась не только в сотворении воды и управлении ею, но и позволяла пользователю понижать температуру чего угодно. Любой ученик мага должен был уметь создавать лёд. Его можно было использовать как для нападения, так и для защиты.

У магии воздуха тоже была способность, которую он никогда не принимал во внимание. Высшим пиком магии воздуха был контроль над погодой, но даже на базовом уровне маг мог создавать молнии.

Огонь и земля были такими же простыми и незамысловатыми, какими он их себе и представлял, поэтому он перешёл к последним двум стихиям.

Во время чтения ему стало ясно, что из-за существования магии автор книги не имел ни малейшего понятия об анатомии.

В книге говорилось о важности содержания раны в чистоте, но в ней не было таких слов, как «дезинфекция» или «сепсис», так что он почти не встретил незнакомых медицинских терминов.

Лит опешил, обнаружив, что свет и тьма объяснялись вместе, а не в отдельных главах.

Согласно книге, обе стихии были хлебом насущным любого целителя. Магию тьмы можно было использовать как оружие, но подробно это не объяснялось.

Автор очень чётко подчёркивал, что он не боец, и что новичкам никогда не следует браться за то, что им не по зубам.

Затем он объяснил, что магия тьмы не была ни доброй, ни злой – просто стихия, как и все остальные. Она была бесценным инструментом для целителя, поскольку позволяла очищать раны, инструменты и даже проводить фумигацию домов от крыс и насекомых во избежание распространения болезней.

Кроме того, это был единственный способ избавиться от паразитов, выросших внутри пациента. Светлая магия позволяла целителю обнаружить их присутствие, но не могла причинить им вреда.

Свет и тьма лучше всего работали в паре. Особенностью светлой магии была способность воспринимать жизненные силы и сканировать их на наличие аномалий. Она также позволяла исправлять такие аномалии и гарантировать мгновенное излечение от большинства болезней.

Восстановление сломанных костей было сложнее, поэтому этому была посвящена другая глава.

Лит почувствовал себя невероятно невежественным и глупым. Он мог бы сам открыть большинство этих стихийных свойств, если бы не был ослеплён своим узколобым суеверием.

«Как я мог быть таким идиотом? Я прожил здесь больше трёх лет и всё ещё думаю, будто это какая-то видеоигра с жёсткими правилами и уровнями? Тьма – зло, а свет – добро, или что? Нет, это наука, чёрт возьми, та самая, которую я изучал всю свою жизнь.

Если огненная магия – это преобразование маны в тепло, то магия воды – не что иное, как преобразование маны в холод, конденсация воды в атмосфере и её перевод в жидкое состояние. Всё это так очевидно, это же чёртово колумбово яйцо!» – подумал он.

Он уже собирался перевернуть страницу, чтобы узнать об исцелении сломанных костей, когда крепкая рука сжала его плечо, не давая сдвинуться с места.

– Это не игрушка, молодой человек. Я очень надеюсь, что ты её не повредил, иначе твоей семье придётся за неё дорого заплатить.

Глава 7. Обучение ремеслу

Лит так увлёкся чтением, что забыл, где находится, отбросив всякую осторожность. Когда Нана застала его с поличным, он от неожиданности вскрикнул.

– Я-то думала, что знаю каждого сорванца, а этого что-то не припомню. Как тебя зовут, малыш?

– Лит. А вас как? – ответил он, строя щенячьи глазки. Нана теперь была скорее любопытна, чем сердита.

– Лит? Уж не бесёнок ли это Элины? Неудивительно, что я тебя не узнала, ты же был совсем крохой, когда я видела тебя в последний раз.

С появлением Наны болтовня утихла. Одни женщины хотели спросить, долго ли им ещё ждать своей очереди, другие просто заинтересовались, а Элина вскочила со стула и извинилась за Лита.

– Не нужно извиняться, Элина, – сказала Нана. – Ничего страшного. Маленький бесёнок не повредил книгу, пока играл с ней.

– Да, мама, не нужно извиняться, – Лит ненавидел, когда о нём говорили так, будто его здесь нет. – И я не играл с ней, я просто читал.

– Читал? Молодой человек, сколько тебе лет? Три года с небольшим? Если это шутка, то она не смешная. Никогда бы не подумала, что один из детей Элины окажется таким лжецом.

– Он не лжёт. Во время последней бури Литу было скучно, и он попросил отца научить его читать, писать и считать. Вот доказательство, – Элина протянула Нане деревянную линейку.

Возражение Элины застало её врасплох. Нана поняла, что задела за живое. Изучив линейку, Нана была вынуждена признать, что это весьма хитроумное учебное пособие.

– Скажи своему мужу, что эта штука – и вправду отличная идея. Он мог бы продать её учителю Хавеллу. Лишние деньги никогда не помешают.

Элина не позволила ей сменить тему, пока та не извинится за то, что назвала её сына лжецом.

– Это не Рааз её изобрёл. Это сделал Лит, чтобы он мог заниматься один, никого не беспокоя.

Нана была потрясена всеми этими внезапными открытиями. Гордость мешала ей извиниться, но намёк на то, что и Элина лжёт, на глазах у всех этих людей повредил бы репутации её семьи.

– Итак, молодой человек, сколько будет семью шесть?

– Сорок два.

Нана взяла книгу из рук Лита и, открыв её на случайной странице, вернула ему.

– Что здесь написано? Начинай с самого верха страницы.

Лит подавил усмешку. – Первое, что нужно понять при изучении магии, – это то, что она всего лишь инструмент. Любой может им воспользоваться, но лишь немногие способны применять её должным образом. На самом деле...

– Ладно, этого достаточно. Я должна перед тобой извиниться, Лит, – однако сказала она это, глядя на Элину. – Похоже, твой сын и впрямь благословлён светом, дорогая.

Комната вновь наполнилась гулом голосов, но на этот раз все обсуждали одну и ту же тему.

– Что Нана имеет в виду под «благословлён светом»? Разве это не просто сказка?

– Вот бы мой сын был таким же умным. Каждое утро отправить его в школу – это целая война на измор. Не говоря уже о том, чтобы добиться хоть каких-то результатов!

Таковы были самые частые комментарии.

Лит решил ковать железо, пока горячо.

– Могу я... – внезапно он понял, что не знает слова «одолжить». – Взять её с собой на время? Я верну её в том же виде. Обещаю.

– И что ты будешь с ней делать? Ты уже умеешь пользоваться магией? – Обычно ответ Наны был бы совсем другим, но на сегодня с неё хватило сюрпризов, и она не могла позволить себе больше ни сарказма, ни скептицизма.

– Да, умею, – ответил Лит, прежде чем осознал свою ошибку.

«Я идиот! Я только что себя выдал! Годы тщательного планирования псу под хвост из-за моего длинного языка. Единственное, что я могу сделать, – это попытаться исправить положение», – подумал он.

– Правда? И что же ты умеешь?

– Да, Лит. Что же ты умеешь? – упрекнула его Элина. Её правая нога в раздражении яростно отбивала ритм по полу. Лит понял, что у него неприятности.

– Я умею в бытовую магию ветра и воды, – сказал он тихим, виноватым тоном, уставившись на свои ботинки.

– Прости, мам, я знаю, ты запретила мне учиться магии. Но все остальные в доме постоянно ею пользуются, а мне было так скучно.

Гомон стал громче. Элина была очень зла, но не могла отругать его на людях. Не тогда, когда все смотрели на них с восхищением.

«Кажется, Нана очень впечатлена. Может быть, это поворотный момент в жизни Лита. Если она возьмёт его в ученики, в нашей семье появится целитель. Я не могу упустить эту возможность», – подумала она.

Элина молчала, размышляя о будущем своего сына.

– Не мог бы ты мне показать? – попросила Нана, впервые улыбнувшись.

«Назвался груздем – полезай в кузов. Эх, была не была», – подумал Лит.

– Брезза!

Лит дважды покрутил средним и указательным пальцами, создав столько же крошечных вихрей, которыми он быстро подмёл комнату. Время от времени он притворялся, что теряет контроль. Его целью было произвести впечатление, а не хвастаться или пугать людей до смерти.

– Ох! Ох! Ох! – восхищённо рассмеялась Нана. В этом маленьком бесёнке она видела всё больше и больше от себя. Нана тоже была не по годам развитой проказницей. В его возрасте её талант был выше, но и на Лита стоило посмотреть.

Обычно мужчины были менее одарены в магии, поскольку женщины, с их прерогативой давать жизнь, от природы были более созвучны с жизненной силой планеты. Некоторые называли её мировой энергией, другие – просто маной.

К тому же деревенские парни обычно были тугодумами. Они были более склонны усердно трудиться в полях или в армии, нежели проводить годы за книгами.

– А теперь я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал. Ты ведь сказал, что умеешь создавать воду, верно?

Лит кивнул в ответ.

– Теперь призови воду, неважно, как мало. Однако ты не должен дать ей упасть. Ты должен заставить её парить, вот так. – В полуметре от раскрытой ладони Наны появилась идеальная сфера воды размером с кулак.

Лит не мог понять причину такой конкретной просьбы, но подчинился.

– Йорун! – Он сотворил меньше стакана воды, сохраняя её форму неровной и нестабильной. Лит не мог позволить себе больше ошибок, его сосредоточенность достигла предела в попытках сделать потерю контроля убедительной.

Вода парила три секунды, прежде чем упасть. Но вместо того, чтобы удариться о пол, она снова взмыла в воздух, став ещё одной идеальной сферой, вращающейся вокруг заклинания Наны, подобно тому как Луна вращается вокруг Земли.

Лит был ошеломлён. Не контролем Наны над потоком маны – он и сам был способен на такое же, если не на лучшее.

Он не мог отвести глаз от развернувшейся перед ним сцены. Обе водные сферы непрерывно вращались вокруг своей оси, отражая на своей поверхности всё вокруг. Они ловили солнечный свет и превращали его в радужные блики.

Лит всегда видел магию как силу, с которой нужно считаться, как отличный инструмент для построения своего будущего. Но он никогда не думал, что она может быть прекрасна.

Впервые за более чем три года он не притворился. Он был по-настоящему изумлён, глядя на танцующие огоньки, пока воспоминания о его прошлой жизни наводняли его разум.

Он вдруг вспомнил все те часы, что провёл в детстве, прячась в планетарии вместе со своим младшим братом Карлом. Они мечтали стать космонавтами, сбежать к звёздам, где никто и никогда больше не сможет причинить им боль.

И вот так, внезапно, его горе вернулось, сильное как никогда, вытесняя радость. Боль от потери Карла захлестнула его, и из глаз хлынули слёзы.

– Лит, ты в порядке? – Голос Элины вывел его из оцепенения.

Осознав, какую слабость он себе позволил, Лит почувствовал глубокое отвращение.

«Вода – это просто вода, нечего раскисать из-за жалкого светового шоу. Соберись и следуй плану». Лит взял себя в руки и запечатал все чувства, которые счёл бесполезными. «С меня хватит боли», – подумал он.

– Да, мамочка, я в порядке. Я просто растрогался от магии этой тётушки.

– Меня зовут Нереа, Лит. Но все зовут меня Нана.

– Почему Нана? – Наной обычно ласково называли бабушку в семье.

– Видишь ли, когда я была ещё юной девой, все звали меня по имени. Но потом прошло время, и я помогла стольким детям появиться на свет, что они начали называть меня Мама. Прошло ещё больше времени, у тех детей появились свои дети, и они стали звать меня Нана, – она взъерошила волосы Лита.

– У меня к тебе есть предложение. Сейчас ты ещё слишком мал, но когда тебе исполнится шесть, вместо того чтобы ходить в школу вместе с этими болванами, ты мог бы приходить сюда. Сможешь читать эти книги, сколько захочешь. И, может быть, научишься ремеслу. Моему.

Лит склонил голову набок, прикидываясь дурачком.

– Не знаю, вы не кажетесь доброй. А вот книги мне бы хотелось, – ответил он, прячась за матерью так, что за её ногами виднелась лишь половина его лица.

Элина не знала, смеяться ей или плакать. Её мечта сбылась, но Лит не понимал, от чего отказывается.

– Пожалуйста, простите его, Нана. Ему всего три года, он понятия не имеет, что говорит. Он даже не знает о важности ученичества.

– Три года, – повторила Нана. – Это почти слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но ты права, если бы ему пришлось выбирать между золотом и игрушками, он, вероятно, выбрал бы последнее.

– Мы вернёмся к этому разговору через три года, – она опустила на колени, глядя Литу прямо в глаза.

– Если ты не поглупеешь, как все остальные мальчишки в этой деревне, я возьму тебя в ученики. Если, конечно, ты всё ещё будешь интересоваться магией и книгами.

Лит кивнул, хватаясь за платье матери и ища у неё защиты.

Его слабый и напуганный вид скрывал внутреннюю ярость.

«Три года? Да я к тому времени с голоду помру! И всё из-за тебя, жадная карга», – подумал Лит. Ему так надоело голодать, что от досады хотелось её укусить.

«Успокойся, Дерек, и вспомни все свои уроки. Смирись и становись сильнее, потому что только сила сделает тебя свободным. Только могущество защитит твою семью».

Глава 8. Обучение ремеслу заново

Рабочая этика Наны не допускала никакого фаворитизма. Лит, может, и был её будущим учеником, но Тисте пришлось ждать своей очереди, как и всем остальным.

Лит не был так рад стоять в очереди со студенческих времён в колледже, когда он использовал каждую секунду, чтобы повторить свои самые слабые предметы.

«Так много нужно прочесть, и так мало времени. Лучше зубрить светлую и тёмную магию, ведь это единственные стихии за пределами известной мне физики. В лучшем случае, пройдут годы, прежде чем я снова доберусь до книг, а в качестве самоучки многому не научишься». – думал он.

Когда подошла их очередь, он внимательно изучал, как целительница исполняет заклинание светлой магии Винире Рад Ту.

Это было то же заклинание для обнаружения жизненной силы, которое она использовала на нём три года назад, но на этот раз он лучше понимал магию, и точка обзора была куда лучше.

Находясь рядом с Наной, Лит мог оценить каждый жест и движение рук, которые Нана использовала для усиления эффективности заклинания. Свет окутал тело Тисты, быстро становясь серым в области её груди и чётко обрисовывая форму её лёгких.

– У меня есть хорошие новости и плохие. Хорошая новость в том, что состояние Тисты такое же, как и всегда, на этот раз нет никаких признаков ухудшения. Плохая же новость в том, что, похоже, оно и не улучшается.

– Боюсь, она останется такой навсегда. Чем старше она будет становиться, тем меньше шансов, что её тело сможет как-то само себя исцелить.

Воздух в комнате стал тяжёлым. Жизнь, полная болезней, была едва ли лучше, чем отсутствие жизни вовсе.

Лит был так потрясён, что совершенно забыл о книгах. Целый мир ничего для него не значил, если он не мог разделить его с единственными тремя людьми, которых любил и которым доверял.

Они вышли из дома Наны в подавленном настроении и молча вернулись домой.

Придя домой, Элина поделилась плохими новостями и, найдя утешение в объятиях Рааза, заплакала. Один за другим все члены семьи разрыдались, обнимая друг друга в поисках утешения.

Лит позволил себе заплакать, проклиная жестокую судьбу, постигшую его сестру.

«Какой толк от магии, если я по-прежнему бессилён? Почему я продолжаю перерождаться, лишь чтобы сменить один ад на другой? Это просто невезение или моя вина? Может быть, в какой-то из прошлых жизней я совершил столь чудовищный поступок, что теперь все, кого я люблю, прокляты? Может, это моё наказание?». – думал он.

В последующие дни Лит продолжал сомневаться в каждом принятом им решении, прежде чем смириться с тем, что плохое случается. Тиста была больна ещё до того, как он воскрес во второй раз, это не могло быть его виной.

Став учеником Наны, он теперь мог открыто практиковать магию. Вскоре он доказал, что способен убирать весь дом в одиночку, избавив мать и сестёр от всех их домашних дел.

Благодаря магии тьмы, мытьё посуды и котлов стало делом нескольких минут. Ничто органическое, будь то остатки еды или жир, не могло избежать превращения в пыль от одной искры тёмной энергии.

Он также провёл бесчисленные эксперименты со светлой магией в поисках лекарства для Тисты. Однако всё, чего ему удалось добиться, – это сдерживать её симптомы. Теперь Тисте требовалось гораздо меньше процедур от Наны, но она всё ещё была пленницей в собственном теле.

Из-за этого Орпал ненавидел его всё больше и больше.

«Высочка! Как мне радоваться жизни, когда он постоянно дышит мне в затылок? Мало того, что эта Пиявка делит домашнюю работу с мамой, так он ещё и кучу времени проводит с Тистой». – думал Орпал.

«Мама и папа всегда хвалили его за так называемые талант и ум. Теперь они без умолку трещат о том, как Пиявка экономит семье кучу денег, самостоятельно следя за состоянием Тисты.

«Всем плевать, что я трачу своё время и пот, выполняя всю работу на ферме! Боги, зачем вы позволили ему выжить? Почему не дали таланта мне?».

Не обращая внимания на чувства брата, Лит справлялся не намного лучше. Его магическая сила и понимание маны продолжали расти, но это не могло стереть вечный привкус неудачи, что преследовал его.

В следующем году он не чувствовал никакой радости от магии; каждое открытие было бесполезным, вся его сила – бессмысленной.

И вот, ему наконец исполнилось четыре года. В Лутии период с четырёх до шести лет называли «золотым веком».

Дети в этом возрасте были достаточно взрослыми, чтобы иметь немного свободы, и слишком маленькими, чтобы помогать в повседневных делах.

Им позволялось играть весь день без забот. Это было идеальное время, чтобы завести друзей, сблизиться с соседями и укрепить связи между семьями.

В день своего четвёртого дня рождения, после того как Лит закончил свои дела, Рена представила его всем их соседям, а затем вернулась домой.

Предполагалось, что он будет общаться и играть, но у Лита были другие планы. Никакие неудачи или горе не могли заставить его надолго забыть о голоде, который поглощал его с тех пор, как ему было всего пять месяцев от роду.

Ферма Рааза находилась на западной окраине сельскохозяйственных угодий Лутии, менее чем в километре (0,62 мили) от большого леса, известного как Травн.

Несмотря на своё пафосное название, это было не особо опасное место. Люди, жившие в близлежащих деревнях, зависели от леса как от основного источника древесины для своей повседневной жизни.

Травн также изобилует дичью, поэтому самые смелые и удачливые круглый год ходили на охоту в поисках драгоценного мяса, тёплого меха или и того, и другого.

Встретить монстров в лесу было невозможно, если не заходить на несколько километров вглубь. Поскольку не было нужды детально исследовать лес, его внутренние области всё ещё оставались неизведанной территорией.

Была причина, по которой Лит никогда не практиковал боевые искусства в новом мире, даже работу ног. Постоянная практика магии требовала много энергии, а у его семьи не было необходимых ресурсов для его тренировок.

Лит и так был тощее всех своих братьев и сестёр, ещё немного нагрузки – и он превратился бы в груды костей. Ему нужна была еда.

Но, будучи городским мальчишкой, он ничего не знал о разделке туш. Ему нужен был учитель, и именно поэтому он направился к дому Селии Фастарроу, единственной охотницы среди их соседей.

«Проблема в том, что я понятия не имею, как заставить её помочь мне. Я всё ещё слишком мал для ученичества, и даже если бы это было не так, вряд ли она не слышала о предложении Наны.

«Ей нечего будет с того, что она мне поможет. Остаётся лишь надеяться, что она добрая и великодушная женщина». – думал он.

Дом Селии был одноэтажным деревянным строением, гораздо меньше дома Лита, площадью около шестидесяти квадратных метров. Там не было ни курятника, ни сарая. За исключением пространства в непосредственной близости от дома, поля были невозделанными, заросшими сорняками, высокой травой и всем, что со временем надул ветер.

«Ей явно неинтересны фермерство и скотоводство, и это хорошая новость. Значит, её дело идёт достаточно хорошо. Интересно, что в том сарае рядом с домом. Он почти такой же большой, как и сам дом». – думал он.

Лит постучал. От нервозности у него всё внутри сжалось в узел. Дверь открылась почти сразу же.

– Опять ты? Потерялся, что ли? – Селия была женщиной лет двадцати пяти, ростом 1,7 метра. Её кожа была загорелой от многолетнего пребывания на солнце. Её чёрные волосы были коротко подстрижены под армейский стандарт Земли.

Её можно было бы считать очень милой, но маленькая грудь в сочетании с пронизательными глазами и грубыми манерами делали её мужеподобнее большинства фермеров.

На ней была кожаная охотничья куртка поверх зелёной рубашки, зелёные штаны карго и коричневые охотничьи ботинки с мягкой подошвой, чтобы меньше шуметь при движении.

– Здравствуй, мисс Фастарроу, мне нужна услуга. Не могли бы вы научить меня свежевать и потрошить животных?

Селия подняла бровь. – Зачем?

– Потому что я голоден. – Не имея на неё никаких рычагов давления, Лит решил, что правда – лучшая тактика. – Я голодаю так долго, что уже забыл, каково это – быть сытым. Я знаю, что могу охотиться, но я также знаю, что без правильной обработки мясо портится и становится несъедобным.

– Нет, ты меня не так понял. Я имею в виду, почему я должна тебе помогать? Что мне с этого будет? – Теперь она хмурила брови.

– Чего вы хотите? – спросил Лит, подавляя желание убить её медленно и мучительно. Он был настолько голоден, что видел в ней добычу.

– Честно говоря, я не верю, что такой карапуз, который едва достаёт мне до пояса, способен на что-то охотиться, даже на крысу. А поскольку обучение – это пустая трата времени, оно требует компенсации.

Она почесала подбородок, подыскивая достаточно невыгодную сделку, чтобы прогнать этого надоедливового ребёнка. Она никогда не хотела собственных детей, не говоря уже о том, чтобы возиться с чужими.

– Если хочешь у меня учиться, сначала принеси сюда какую-нибудь дичь. Если ты напортачишь, играя в мясника, то испортишь мой товар, потратишь впустую и моё добро, и моё время. Так что вот моё предложение: что бы ты ни принёс, я научу тебя это свежевать и потрошить. Но половина – моя, за труды. Соглашайся или уходи.

«Вот тебе и добрая, и великодушная женщина. Это грабёж среди бела дня». – подумал Лит.

– Я согласен. Как долго вы будете дома? – ответил он.

– Я буду здесь весь день. У меня много работы. А что?

– Потому что когда я вернусь с добычей, мне понадобится ваша помощь. Не забудьте о нашем уговоре.

Лит развернулся и пошёл в сторону леса. Видя, как маленький карапуз строит из себя крутого, не имея при себе ни лука, ни ловушек, ни даже сумки для дичи, Селия не смогла сдержать громкого смеха.

По крайней мере, до тех пор, пока дверь не захлопнулась прямо перед её носом, отправив её задницей на пол. Поднявшись, она подошла к ближайшему окну.

Лит всё ещё стоял на том же месте, но его лицо было повернуто к её двери. В тусклом свете зари его глаза ярко светились.

Добравшись до опушки леса, он активировал светлое заклинание «Видение Жизни». Это было одно из многих заклинаний, которые он создал за год практики. Наполняя свои глаза светлой магией, Лит мог видеть живых существ в цвете, в то время как остальной мир превращался в оттенки серого.

Чем сильнее была жизненная сила, тем крупнее и ярче был испускаемый ими свет. Таким образом, он мог легко замечать животных, даже если они прятались под землёй, в кустах или внутри дерева.

Литу не нужно было охотиться на что-то крупное. Любое мясо было идеальной добычей.

Большинство животных убегали, как только он подходил слишком близко, но не все. Птицы и белки, сидевшие на ветвях деревьев, чувствовали себя в безопасности. К их несчастью, радиус действия магии духа Литы превышал двадцать метров (21,9 ярда).

Все они были в пределах его досягаемости.

Ему нужно было лишь протянуть раскрытую ладонь в сторону добычи, а затем сжать и повернуть руку, чтобы сломать им шеи. Менее чем за двадцать минут он убил двух странных пернатых птиц и двух белок.

«Я мог бы поймать и больше, но хочу заплатить этой гарпии как можно меньше». – подумал Лит.

На обратном пути к дому охотницы его жадность яростно спорила с его гневом.

«Чёрт! Хотел бы я просто попросить отца. На нашей ферме есть курятник, мы едим кур, так что он должен знать, как их разделывать. Но если я так сделаю, то буду вынужден делить МОЮ добычу поровну.

«И если есть что-то, что я ненавижу больше, чем быть обворованным этой гарпией, так это мысль о том, что Орпал и Трион получают столько же мяса, сколько и я. Или, что ещё хуже, будучи старше, они могут получить даже больше.

«Я добыл эту дичь! Это мясо моё, МОЁ! Им будет позволено есть мои объедки только тогда, и только если я этого захочу!»

Когда Лит подошёл к двери Селии, он успокоился и сумел скрыть свой гнев за деловым выражением лица. Он сделал несколько глубоких вдохов, прежде чем снова постучать.

Когда Селия увидела его, она уже собиралась было поиздеваться над ним и назвать его слабаком за то, что он сдался меньше чем за час. Но тут Лит показал ей свою дичь, и вся её речь в духе «Никогда не стоит недооценивать, насколько тяжела работа охотника» застряла у неё в горле.

Глава 9. Обучение ремеслу, снова (2)

«Как ты это сделал?» – спросила Селия, всё ещё приходя в себя от удивления.

«Магия. Я благословлён светом. Разве ты не слышала новости?» – сказал Лит.

Селия стала копаться в своей памяти, пока ответ мальчишки не обрёл смысл.

«А! Теперь понятно. Ты тот самый волшебный ребёнок, о котором все говорят в Лутии. Это многое объясняет, включая твоё дерьмовое поведение».

«Прошу прощения? Ты нашла на своём пороге тощего мальчишку, просящего о помощи. Затем ты заставила его согласиться на грабительскую сделку, ещё и смеялась над его стараниями, и это у меня дерьмовое поведение?» – Лит теперь был так зол, что даже мысль о том, чтобы поделиться своей добычей, уже не казалась такой уж плохой.

Селия громко рассмеялась.

«Парень, ты и впрямь со странностями. Во-первых, когда идёшь просить помощи у совершенно незнакомого человека, лучшее, на что ты можешь надеяться, – это что тебя отправят восвояси вежливым пинком под зад».

«Если бы я выполняла просьбу каждого безумца, я бы мигом разорилась. Во-вторых, у тебя хватило наглости хлопнуть дверью у меня перед носом, а потом вернуться как ни в чём не бывало. Вот это и есть дерьмовое поведение».

Посмотрев на ситуацию с её точки зрения, Лит мог только согласиться. Последние четыре года он жил в уединении, общаясь только с членами своей семьи. Он слишком привык получать в ответ «да», забыв об элементарных правилах поведения в обществе и даже о здравом смысле.

Голод тоже не помогал. Он делал его целеустремлённым и склонным к гневу. Лит осознал, что Селия была права, и то, что он устроил утром, было всего лишь истерикой.

«Мне очень жаль», – искренне сказал он, глядя ей в глаза. – «Моему поведению нет оправданий. Я пойму, если ты захочешь расторгнуть нашу сделку».

Селия рассмеялась ещё громче.

«Попридержи коней, парень. Я сказала, что ты сумасшедший и грубый, но мне это нравится. Как ты любезно заметил, я и сама та ещё стерва. Ворон ворону глаз не выклюет, наша сделка всё ещё в силе».

Она протянула ему маленький нож с деревянной рукояткой.

«Правило номер один: как можно скорее обескровь дичь. Если кровь начнёт сворачиваться, мясо будет испорчено. Сделай глубокий надрез на шее, а затем подвесь их вверх ногами, чтобы кровь стекла». Она указала ему на бельевую верёвку.

«Если тебе не нужен мех, просто отруби голову. Так будет быстрее».

Лит отложил нож и сотворил достаточно воды, чтобы покрыть всю свою руку. Затем он заморозил её и превратил в острое как бритва лезвие, которым отрубил головы птицам. Нож он использовал только для белок.

Селия одобрительно свистнула.

«Хороший трюк. Ты, я смотрю, крови не боишься?»

«Как я уже говорил, я голоден. Слишком голоден, чтобы беспокоиться о больших круглых глазах или тёплом мехе. Я вижу в них только еду».

«Вот это правильный настрой для охотника!» – Селия показала ему большой палец вверх.

Она взяла обескровливаемую дичь и подвесила её для него, думая, что верёвка для белья висит слишком высоко, чтобы Лит мог до неё дотянуться. Лит не счёл нужным её поправлять.

«Раз уж мы тут строим отношения мастера и ученика и всё такое дерьмо, не хочешь ли рассказать, почему ты пришёл ко мне, а не попросил своих родителей научить тебя?»

«Я не знаю твою семью, но это умеет делать любой фермер. Было бы слишком дорого, чтобы кто-то другой разделявал твой скот».

«Верно», – сказал Лит, размышляя, как ответить. Он посмотрел ей прямо в глаза, прежде чем спросить.

«Только между нами, секрет мастера и ученика и всё такое дерьмо?»

Селия кивнула, удивлённая, что получит настоящий ответ вместо очередного раздражённого замечания.

«Насколько я помню, у нас с братьями никогда не было хороших отношений. Всё довольно плохо, особенно со старшим братом».

Лит решил, что ему нужно снять этот груз с души. Разговор с незнакомкой был лучшим способом снять стресс и испортить репутацию Орпала. Честность и впрямь была лучшей политикой.

«Не знаю, из-за моей ли магии, но я всегда много ел. Это не было бы большой проблемой, если бы у меня не было четверых братьев и сестёр, у одной из которых врождённая болезнь. Её лечение стоит довольно дорого, и его едва хватает, чтобы поддерживать в ней жизнь».

«Слава Богам, я единственный ребёнок. Но какое это имеет отношение к твоему старшему брату?» – Лит сделал вид, что не расслышал её.

«Это значит, что, несмотря на усердный труд моих родителей, у нас на столе не так много еды». Лит указал на свою худую руку, чтобы вызвать у неё чувство вины. «А мой брат тоже растущий парень, так что он хотел бы есть гораздо больше жратвы, чем ему на самом деле достаётся».

«Время от времени, особенно зимой, у него случаются приступы ярости, во время которых он обвиняет меня во всём, что в его жизни идёт не так. Он часто говорил что-то вроде:

«Какого чёрта вы наделали столько детей, если не можете их нормально прокормить? Почему Лит получает почти столько же еды, сколько и я? Он ни черта не делает, пока я вкалываю в полях круглый год!»

«Он мне не брат, он Пиявка, которая высасывает из меня жизнь! Лучше бы ты сдох в тот проклятый день!» – Лит изо всех сил изобразил Орпала.

«Ты это выдумываешь, чтобы я почувствовала себя виноватой, парень? Потому что это уже ненормально». Селия нахмурила брови, сомневаясь, что кто-то мог говорить такое своему младшему брату.

Лит, вздохнув, покачал головой.

«Хотелось бы».

«А твой отец задал ему хорошую трёпку? Может, это помогло бы ему прийти в себя».

Лит снова покачал головой.

«Нет. Это началось, когда я был совсем маленьким, и даже после того, как разговоры оказались бесполезны и мой отец прибег к порке, всё стало только хуже. Дошло до того, что я вынужден спать в комнате сестёр».

«Слишком рано», – Селия прикусила губу, чтобы не отпустить пошлую шутку.

«Слишком рано для чего?»

«Ни для чего. Пожалуйста, продолжай».

«Так было до прошлого года. Когда я начал практиковать магию, я быстро стал достаточно умелым, чтобы выполнять почти всю работу по дому в одиночку. Иногда я помогаю и со скотом».

«Мне даже удавалось держать болезнь сестры под контролем». Лит глубоко вздохнул, прежде чем найти в себе силы добавить: «Большую часть времени».

«Тогда теперь всё должно быть хорошо, верно?»

«Неверно. Дом требует ремонта, как и сарай, и большинство фермерских инструментов. Если учесть всю ту случайную хрень, что время от времени случается и требует первоочередного внимания, я не думаю, что наше положение в ближайшее время улучшится, и мой брат тоже так не думает».

«Теперь он больше не может сваливать вину на меня, так что в последний раз он сорвался на моей больной сестре, говоря вещи, которые я отказываюсь повторять вслух». Лит сплюнул на землю, чтобы избавиться от мерзкого привкуса, который оставило у него это воспоминание.

«Дошло до того, что он сказал, что для неё было бы лучше...» – Лит указал на подвешенную дичь.

«Прикончить её, как животное? Парень, мы, может, и сволочи, но твой брат – сумасшедший».

Лит стиснул зубы, вспоминая точные слова Орпала.

«Так будет гораздо лучше для неё, для всех нас! Она не может бегать, не может работать. Тиста никогда не сможет завести друзей, влюбиться или родить собственных детей».

«Ей суждено быть обузой для семьи. И что будет, когда вас, ребята, не станет? Кто о ней позаботится? Рена? Или, может быть, маленькое чудо-Пиявка?»

Лит всё ещё живо помнил, как его мать плакала от этих жестоких слов. Как Рена и Тиста бросились в её объятия. Как Рааз избил Орпала так сильно, что тот несколько дней не мог ходить.

«Именно», – с рычанием ответил он Селии. – «И вот почему я презираю его и не хочу, чтобы он прикоснулся хотя бы к одному куску МОЕЙ дичи».

«Я поняла. Я его даже не знаю, а уже тоже ненавижу этого ублюдка до глубины души».

«Нет, я его не ненавижу», – поправил её Лит. – «Ненависть, как и любовь, – иррациональное чувство, в то время как моё презрение к нему имеет веские основания».

«Ого! Какая глубокая мысль для такого юнца. Достоин охотника!»

«А теперь хватит болтовни, пора за работу».

Селия сняла белок, передав одну Литу.

«Начнём с мелкой живности. Они меньше и лучше подходят для практики. Даже если напортачишь, не беда, мяса в них не так уж много».

Она положила белку на разделочную доску и приготовила вторую для Лита.

«То, чему я тебя научу, подходит для большинства грызунов, но на всякий случай, если когда-нибудь найдёшь кролика с ещё белоснежным мехом, принеси его мне. Он ценен только до тех пор, пока не начнёт буреть к весне. Даже крошечная ошибка может испортить шкуру и снизить её стоимость».

«Если хочешь, чтобы я научила тебя как следует, давай делать по-моему. Используй нож, делай как я и следуй моим указаниям». Селия снова протянула ему короткий нож.

Лит одобритительно кивнул.

«На спине белки ущипни шкуру и разрежь её у основания шеи, чтобы оголить хотя бы половину. Теперь указательным и средним пальцами обеих рук сделай отверстие там, где ты разрезал. Подцепи пальцами кожу и потяни одной рукой к хвосту, а другой – к голове...»

В процессе Лит заметил, что снимать шкуру с белки было не только отвратительно, но и похоже на стягивание липкой мокрой перчатки.

После этого Селия показала ему, как удалить голову, лапы и хвост.

«Знаю, это облом, но этот пушистый хвост – не мех. Это всё чёртовы волосы. Ты всё равно можешь использовать его для набивки. Он тёплый и мягкий. А теперь самое сложное».

«Когда приступаешь к потрошению, будь осторожен с надрезами. Если вскрыешь мочевой пузырь или кишечник, мясо будет испорчено желчью или фекалиями. Его уже не спасти. Это касается всех животных, так что будь внимателен, парень».

Потрошение белки было кровавым и жутким зрелищем, но Лит уже мысленно чуял запах жареного мяса, поэтому почти не ощущал дискомфорта.

Когда они закончили, Селия насадила обеих белок на вертел, чтобы зажарить их в своём камине.

«Пока мы ждём наш утренний перекус, я покажу тебе, как ошпаривать птицу для ошпаривания. Как следует из названия, вода не должна быть ни слишком горячей, ни слишком холодной».

«Ровно такой, чтобы можно было опустить палец, не получив ожога, но нельзя было продержать его дольше секунды, не обжёгшись. Это правильная температура для ошпаривания».

Селия взяла большой котёл, установив его над костром, который всегда был готов у неё на заднем дворе.

«Это может быть грязной работой, так что лучше делать её на улице, когда есть возможность».

От запаха готовящегося в доме мяса у Лита потекли слюнки, и он не мог позволить себе риск, что оно подгорит.

«Йорун!» – по его команде котёл тут же наполнился водой.

Затем Лит сунул руку в воду, произнёс «Инфиро!» и заставил её задымиться.

Селия снова одобрительно свистнула.

«Быстро и эффективно. Я всё меньше и меньше жалею об этой затее с мастером-учеником. Теперь я понимаю, почему та старая карга Нереа застолбила тебя. Мы почти готовы, но сначала...»

Селия зашла в дом и вернулась с двумя тарелочками с жареной белкой.

Не успела она протянуть ему тарелку, как Лит уже выхватил еду, пожирая её так, словно завтрашний день никогда не наступит. Он обсасывал и обгладывал, пока не остались одни кости.

Облизав каждый палец, он вернулся к своему прежнему спокойному и сдержанному поведению.

«Добрые боги, какой джентльмен», – в голосе Селии сквозил сарказм. – «Не желаешь ли добавки? А то меня это серьёзно напугало, а я кое-что смыслю в...»

Её насмешка канула в пустоту. Глаза Лита видели только приближающуюся вторую белку. Как только Селия сделала вид, что предлагает ему свою долю, его руки уже пришли в движение.

Проглотив последнюю белку, Лит заметил, что Селия застыла на месте.

Её рот был открыт, но из него не вылетало ни слова, а тарелка всё ещё была возле его лица.

Он аккуратно положил кости обратно на тарелку.

«Не нужно было держать для меня тарелку, но спасибо. Это было очень мило с твоей стороны».

Глава 10. Изменения

Разобравшись с утренним перекусом, Селия подготовила рабочий стол для оставшейся дичи.

– Птиц, которых ты поймал, называют моргунами, потому что они очень пугливы и быстро улетают. Обычно, чтобы подстрелить их издалека, нужны удача и мастерство. Какую бы магию ты ни применил, это было чистое убийство.

– Кроме сломанной шеи, и перья, и тушка остались невредимы.

Лит принял комплимент и слегка поклонился ей.

– Это лишь вопрос искусного владения воздушной магией, ничего особенного.

Любопытство Селии было далеко не удовлетворено, но она решила дальше не лезть.

– Ошпаривать легко и быстро. Нужно всего лишь бросить птицу в котёл примерно на сорок пять секунд. В процессе лучше аккуратно помешивать воду, чтобы очистить птиц от грязи и внешних паразитов.

– Это также помогает перьям легче отходить. Никогда не ошпаривай слишком долго, иначе мясо может начать вариться. Не говоря уже о риске повредить внутренние органы и испортить мясо.

Лит взял на себя процесс ошпаривания, взмахнув правой рукой, чтобы взять под контроль воду в котле. Он размешивал её и регулировал силу течения согласно указаниям Селии.

– Чёрт возьми, малец. Из-за тебя я и вправду начинаю жалеть, что мне всегда было плевать на магию.

– Ты не умеешь пользоваться магией? – Лит был поражён.

– Нет, и до сегодняшнего дня я этим гордилась. Я считаю бытовую магию простым салонным фокусом. Зачем тратить время на то, чтобы научиться делать что-то с помощью магии, когда руками я добиваюсь результатов быстрее и лучше? – Селия пожалала плечами.

– А теперь вытаскивай моргунов из воды, пора браться за дело.

Потрошение птицы очень походило на его предыдущий опыт с белкой, но ошпаривание и ошипывание заменили процесс снятия шкурки, и к этому добавилась необходимость удалять зоб, шею и копчиковую железу.

Когда они закончили, Лит наслаждался результатом. Он заметил, что, не считая того, что кожа моргуна была чуть более пористой, чем у курицы, стоило её зажарить, и она стала бы такой же, какую он мог купить на Земле.

– Как мне её приготовить?

– Всё ещё голоден даже после двух белок?

– Да, очень. – Прошлая трапеза была лишь закуской, он был далёк от насыщения. – Пожалуйста, давай разведём костёр на улице. Мне нужно привыкнуть обходиться без камина.

Селия хлопнула себя ладонью по лбу.

– Точно, точно. Я совсем забыла о твоих семейных проблемах.

Объяснив ему, как выбрать подходящее место для костра, она показала, как соорудить импровизированный вертел из деревянных палок. Последний урок был о том, как высоко установить вертел, чтобы не сжечь еду, и как определить, когда она готова к употреблению.

Запомнив всё, Лит наполнил глаза магией огня, активировав заклинание Огненного Видения, которое дало ему улучшенную версию тепловизора.

Затем он начал сплетать вместе магию огня и ветра, поддерживая стабильный жар вокруг моргуна без горячих или холодных зон, и используя воздушные потоки, чтобы равномерно прожарить каждый уголок и закоулок птицы.

Такой тонкий контроль требовал от него двигать и руками, и ногами, чтобы осматривать свою еду с разных углов и регулировать поток маны.

Его движения напоминали комбинацию ката из боевых искусств.

Селия уже собиралась было подшутить над ним, что исполнять победный танец ради одного моргуна – это уже перебор, когда до её носа донёсся восхитительный запах.

Моргун жарился с видимой невооружённым глазом скоростью. Кожа превратилась в хрустящую корочку и выпустила жир, который равномерно распределился по мясу.

Запах был настолько хорош, что, хотя она завтракала меньше двух часов назад, её желудок начал урчать.

Лит снял вертел с огня с помощью магии духа и понизил температуру жареного мяса, чтобы не обжечься во время еды. Затем он по-волчьи набросился на мясо, разрывая его голыми руками.

Сначала ножи, затем грудка и, наконец, крылья.

Не хватало соли, и мясо было не таким нежным, как у жареной курицы, поскольку они не дали ему «созреть». Тем не менее, это была лучшая еда, которую Лит когда-либо ел.

– Не могу поверить. Я больше не голоден. – Лит от счастья упал на колени. Его глаза наполнились слезами, словно он вот-вот расплачется.

Но этот миг быстро прошёл.

«Мне нужно больше! Я не могу позволить голоду снова меня искалечить», – подумал Лит, глядя на солнце.

До полудня оставалось ещё несколько часов. Время, которое он мог потратить на охоту.

– Мастер Селия, мне нужна услуга. Мне нужно место, чтобы прятать свою собственную дичь. По крайней мере ту, которой я не хочу делиться.

– Зови меня просто Селия. Охотники не тратят время на любезности, мы люди практичные.

Она махнула рукой, отмахиваясь от необходимости в титуле.

– Что до твоей просьбы, я не оказываю услуг, я заключаю сделки. Как насчёт такого: с завтрашнего дня ты будешь приходить сюда каждый день и убираться в моём доме. Может быть, время от времени ты будешь готовить для меня что-нибудь своим дурацким танцем.

– Взамен я буду хранить твоё личное мясо в целости и сохранности. К тому же, когда я заставлю тебя готовить для меня, мы разделим еду поровну. Идёт? – Селия протянула ему руку.

Это всё ещё была грабительская сделка, но это был его единственный вариант.

– Идёт. У меня только одно правило. Я не стираю.

Спустя несколько дней в доме Литы звучало гораздо больше смеха и радости, чем обычно. То, что он приносил домой дичь, вызвало некоторые вопросы, но он смог с лёгкостью всё объяснить.

Еда помогла всем расслабиться и забыть о прошлых обидах. Даже Лит и Орпал начали сглаживать свои отношения, ограничив свирепые взгляды и оскорбления до пары раз в день.

Но что ещё важнее, Лит наконец-то смог снова начать практиковать боевые искусства. Его распорядок был очень прост. Он охотился утром, практиковал магию днём и боевые искусства ночью.

Благодаря технике дыхания Бодрость, Лит теперь мог бодрствовать почти неделю, прежде чем ему требовался отдых.

Он прокрадывался из дома, как только его заклинание Видение Жизни подтверждало, что все спят.

Оказавшись на улице, он создавал грязевые манекены с помощью магии земли, чтобы практиковать боевые приёмы и закалять своё тело. Его главным приоритетом была работа ног.

Может быть, дело было в том, что ему было всего четыре года, или, может быть, в недостатке активности из-за его прежнего постоянного голода, но его тело было до стыда неуклюжим.

Каждый раз, когда кто-то бросал ему что-нибудь, даже каштан с расстояния в метр (3 фута), он либо полностью промахивался, либо ронял это на пол.

Лит знал, что, хотя его сотворение заклинаний было очень быстрым, особенно магия духа, оно не было мгновенным. Он не мог позволить себе стать лёгкой мишенью, как только кто-то подберётся слишком близко.

Магия делала его могущественным, но не всемогущим. Какой толк был в способности рушить горы, если его мог убить случайный головорез, умудрившийся подкрасться к нему?

Даже на Земле Лит всегда считал, что рассматривать разум и тело как отдельные сущности – глупо. Упражнения всегда позволяли ему снимать стресс и расслаблять ум.

Точно так же, как учёба всегда позволяла ему показывать лучшие результаты, будь то на работе или в боевых искусствах.

Грубая сила была просто насилием, в то время как чистый интеллект – лишь идеями без содержания. Только когда разум и тело тренировались вместе, тело могло действовать так, как того требовал разум.

Примерно через неделю после того, как Лит начал тренироваться, кое-что случилось.

Ночью он был один и практиковал работу ног, двигаясь вокруг манекенов, когда почувствовал, что что-то не так.

Боль вырвалась из его ядра маны и быстро распространилась по всему телу, сопровождаемая головокружительной тошнотой, подобной которой он никогда раньше не испытывал.

«Что со мной происходит? – подумал он. – Это не может быть узкое место. Последнее разрешилось только вчера, и ни одно узкое место никогда не ощущалось так».

Вскоре он начал задыхаться. Он больше не мог стоять на ногах и корчился от боли.

«Я не могу умереть! Я не хочу умирать снова. Не после того, как столько вытерпел. Я отказываюсь становиться каким-то рабом в далёкой галактике или стариком, ожидающим смерти. С меня хватит! Я отказываюсь умирать!»

Он использовал всю свою силу воли, чтобы преобразовать каждую йоту своей маны в светлую магию, борясь с недугом, который терзал его, но безрезультатно.

Боль становилась всё хуже и хуже, пока его сила не перестала справляться.

Когда Лит сдался, жжение наконец-то смогло беспрепятственно подняться к самому горлу.

Лита начало рвать комками чёрной липкой субстанции, которая выглядела как смола, но пахла чем-то, что умерло и гнило неделями под летним зноем.

Они были размером с орех, но напряжение, которое он чувствовал, было сродни тому, как если бы его вырвало двумя слонами, идущими бок о бок.

Вонь была настолько ужасной, что даже в своём беспомощном состоянии Лит нашёл в себе силы призвать немного магии тьмы, чтобы уничтожить их, не оставив следов.

Следующие несколько минут Лит плевался, пил и даже ел траву, чтобы избавиться от отвратительного привкуса во рту.

Когда всё пришло в норму, Лит был слишком измотан для тренировок, поэтому ему пришлось использовать Бодрость, чтобы вернуть своё тело в пиковую форму.

Как только Лит начал выполнять технику дыхания, он обнаружил, что теперь способен ощущать своё ядро маны с гораздо большей ясностью.

Поглощая мировую энергию с помощью Бодрости, он мог чувствовать и управлять маной, текущей по его кровеносным сосудам и органам, до такой степени, что мог визуализировать даже остаточную магию в волосках на своём теле.

Несмотря на то, что его глаза были плотно закрыты, Лит мог видеть внутри своего тела, словно наблюдал за ультрасовременным 3D-сканированием всего тела.

Хотя он всё ещё чувствовал головокружение, он снова попробовал выполнить упражнение на работу ног. Движения Лита всё ещё были далеки от совершенства, но он больше не чувствовал себя так, будто у него две левые ноги.

«Это поразительное улучшение, учитывая, что ещё минуту назад моей целью было перестать спотыкаться о собственные ноги. Интересно...»

Лит вытянул вперёд раскрытую правую ладонь, применяя магию духа к головам манекенов.

«Всего час назад, если бы я попытался атаковать столько целей одновременно, лучшее, что я мог сделать – это немного их сжать. А что теперь?»

Он сжал кулак, быстрее и сильнее, чем когда-либо прежде.

Головы манекенов лопнули, как воздушные шары.

Глава 11. Встречи

В последующие дни Лит сделал несколько открытий об изменениях, которые с ним произошли. Его тело ощущалось легче, чем когда-либо, и все его физические способности усилились. Даже его пять чувств обострились.

Произошли и косметические изменения в его внешности. Родинки на его теле заметно уменьшились, кожа стала глаже, чем после спа-процедур на Земле, а большинство веснушек вокруг носа и глаз исчезло.

Лит отмечал все изменения, пытаясь понять, что произошло, но на облагораживающие эффекты ему было глубоко наплевать. Даже без родинок и веснушек он всё равно будет выглядеть как неотёсанный деревенщина.

Если его мать и передала ему что-то по наследству, то он этого не видел. В отличие от сестёр, Лит не унаследовал ни её красоты, ни грации. Элина двигалась как балерина, в то время как он был настолько грубым и неуклюжим, что чувствовал себя пещерным человеком.

У Лита были глубоко посаженные глаза, как у его отца, высокий лоб и нос, который был немного великоват для его лица.

Он не был уродлив, но и ни капельки не симпатичен. Лучшее, что он мог себе поставить, – это твёрдая шестёрка из десяти. Единственной надеждой Лита на улучшение был подростковый скачок роста, который избавил бы его от тощего и хилого телосложения.

Чтобы разобраться в изменениях в его ядре маны, потребовалось ещё больше времени. Лит обнаружил, что его мана претерпела качественное изменение, став чище и плотнее.

Это позволяло ему сотворять более сильные заклинания и сокращало время, необходимое для управления магией стихий и духа. Благодаря этому он мог достичь более высокой скорости сотворения заклинаний.

С помощью Бодрости он теперь мог заметить присутствие смолоподобного вещества, рассеянного по всему его телу. Он находил его в своих органах, кровеносных сосудах и даже в нейронных путях.

Всякий раз, когда он использовал Технику Накопления, он чувствовал, как более мелкие смолоподобные частицы притягиваются к ядру маны, тогда как более крупные со временем распались на части и уменьшались в размере, прежде чем сдвинуться с места.

Уверенный в своей новой силе, Лит начал заходить в лес всё глубже и охотиться на более крупную добычу. Он больше не боялся хищников. Вместо того чтобы избегать их, он начал их выискивать.

Лит хотел, чтобы у его семьи было достаточно меха для пошива комплекта тёплой одежды для каждого. Ему осточертело зимой носить столько слоёв одежды, что он не мог нормально ходить.

Каждый раз, выходя из дома, он был вынужден ковылять, словно пингвин.

Проблема заключалась в том, что Лит всё ещё передвигался по лесу, производя много шума и источая достаточно убийственного намерения, чтобы распугать всё, что не было достаточно глупым или отчаявшимся, чтобы встать у него на пути.

Лишь благодаря заклинанию Видение Жизни в сочетании с магией духа он всё ещё мог охотиться. Радиус действия его магии духа расширился до более чем 30 метров (32,8 ярда), так что он мог с лёгкостью убить любое животное, которое пыталось спастись, вскарабкавшись на дерево или взмыв в воздух.

Когда Литу не удавалось ничего поймать, он сбивал любую птицу, которая совершала ошибку, пролетая в пределах его досягаемости.

Однажды Лит исследовал новый участок Траун леса, надеясь найти добычу с мехом и убить двух зайцев одним выстрелом.

Глядя на небольшой холм, его Видение Жизни заметило три жизненные силы, скрывавшиеся в нескольких метрах под землёй. Они не были достаточно сильны, чтобы быть хищниками, но были достаточно велики, чтобы стать отличным обедом.

– Если это грызуны или другие хитрые животные, у норы может быть больше одного выхода. Нельзя терять время, я выгоню их силой!

Взобравшись на самую высокую точку холма, он применил магию земли, не сводя глаз с добычи.

– Магна! – Земля вокруг него задрожала, из-за чего нора и маленькие туннели начали обрушиваться. Существа запаниковали и выбрали самый прямой путь, чтобы выбраться из норы.

Лит побежал, следя за их передвижениями сверху и оставаясь как можно ближе, чтобы они не покинули радиус действия его магии духа.

Из хорошо спрятанной норы под кустом выскочили три больших жирных кролика. Двое из них всё ещё носили белоснежный мех.

– Повезло! – крикнул Лит и щёлкнул пальцами, сворачивая кроликам шеи, провернув их на сто восемьдесят градусов.

– Коричневого оставлю себе, а две другие шкурки обменяю у Селии на большее количество меха низкого качества. Сегодня и вправду мой счастливый день.

Лит так привык быть в лесу один, что всегда думал вслух, чтобы побороть чувство одиночества. Он повесил кроликов на пояс за уши и пошёл к дому Селии.

Сделав несколько шагов, Лит услышал странный приближающийся звук. Он никогда не слышал его раньше, поэтому начал осматриваться в поисках источника. Вскоре он увидел вдалеке двух лошадей, скачущих в его направлении.

«Кажется, я слишком шумел. Бить или бежать?» Чтобы ответить на собственный вопрос, он снова активировал Видение Жизни. Лошади были просто лошадьми, а вот люди далеко не впечатляли.

Тот, что скакал впереди, был едва ли так же силен, как Селия, а второй был даже слабее Рааза, отца Литы.

Лит заставил себя скрыть жестокую усмешку.

«Что ж, что ж. Моя первая встреча с незнакомцами в этом новом мире! Они хорошие люди? Держу пари, люди везде одинаковы. А значит, они мудаки! Не могу дождаться, чтобы это выяснить!»

Лит стоял на месте, ожидая их прибытия.

Первый мужчина был явно слугой. Он был одет в охотничий костюм из низкокачественной кожи с гербом на груди и плечах. Это был небритый мужчина средних лет, с короткими иссиня-чёрными волосами, злыми и сердитыми глазами на лице, которое могла полюбить только мать.

Другой был одет в костюм гораздо лучшего качества, вероятно, совершенно новый. Он носил тот же герб на груди, но тот, казалось, был вышит шёлком и золотом.

Это был парень лет шестнадцати, с красивым лицом и телосложением фотомодели. Обтягивающая кожа подчёркивала его мускулистое тело, двигавшееся в такт с лошадью.

Лит почувствовал, что его это дико бесит, и он точно знал почему.

«Очень надеюсь, что он такой же убудок, насколько и красив. Иначе мне не только придётся поверить в прекрасных принцев, но я ещё и умру от зависти», – подумал он.

– Эй, пацан! – грубо крикнул слуга. – Что это был за шум только что?

Лит напустил на себя самое невинное выражение лица, изображая волка в овечьей шкуре.

– Доброго дня, сударь. Это всего лишь я охотился. Прошу прощения, если напугал вас, – голос Литы звучал искренне извиняющимся. Он хотел дать им шанс.

– Где ты их взял? – спросил он, проигнорировав извинения Литы и указывая на кроликов.

– Из кроличьей норы. Это моя добыча, – улыбнулся Лит, не спуская с них обоих глаз.

– А ну-ка отдай их нам. Из них получится отличная муфта для моей матери, – у красивого юноши был к тому же и прекрасный голос.

– Если тебе и вправду жаль, ты должен предложить нам должную компенсацию. Даже такой простолудин, как ты, должен знать основы приличия, – сказал он с насмешливой улыбкой.

Лит отбросил притворство, словно боевую гранату.

– Серьёзно? Грабить ребёнка среди бела дня? У вас что, совсем нет стыда?

– Пацан! – оборвал его слуга. – Ты знаешь, с кем разговариваешь? Это сын Барона Рата, владыки этих земель.

Лит громко рассмеялся.

– Да брось! У Траун леса нет хозяина, кроме, может быть, Графа Ларка. Хватит нести чушь, чтобы прикрыть свою жалкую задницу. И кроме того, вы знаете, с кем разговариваете? Я – верховный маг!

– Видишь, что бывает, когда тратишь слова на простолудинов, Корт? – молодой дворянин снял с плеча короткий лук и наложил на него стрелу. – Они просто слишком глупы, это в их природе.

Он выстрелил, с идеальной точностью целясь в сердце Лита.

Однако Лит держал наготове множество заклинаний на кончиках пальцев, и расстояние между ними было достаточным. Взмахом руки он создал сильный порыв ветра, который ударил по стреле сбоку, заставив её беспорядочно закрутиться и безобидно воткнуться в землю в нескольких метрах от намеченной цели.

Несмотря на то, что молодой дворянин был ошеломлён, он смог сохранить хладнокровие и, накладывая на тетиву новую стрелу, приказал Карту убить мальчишку.

Лит поднял левую руку, обездвиживая Корта магией духа, а правой взял под контроль стрелу. Она выскользнула из пальцев юноши и вонзилась ему в глаз.

Юноша с криком боли упал с лошади.

– Подумать только, я ещё и дал вам шанс убраться отсюда живыми, – вздохнул Лит, качая головой.

– Стой! Если ты убьёшь молодого господина, ты и все, кого ты любишь, умрёте! Подумай об этом, – сказал Корт.

Лит снова рассмеялся.

– Правда? И как они узнают, что здесь произошло? – Лит пошевелил большим пальцем левой руки, и Корт с ужасом заметил, что его правая рука против его воли движется, вынимая из ножен охотничий нож, который он носил на поясе.

– Стой, прошу! Смилуйся! Не делай этого, ты же просто ребёнок! – взмолился он.

– Значит, когда вы хотите убить – вы убиваете. Но когда вы проигрываете, я должен проявить милосердие? – Злоба в его голосе была почти осязаемой. Лит опустил безмянный палец, и нож оказался у горла Корта.

– Поскольку ты всего лишь слуга, я подарю тебе быструю смерть, – движением мизинца Лит заставил Корта перерезать себе горло от уха до уха.

Затем он подошёл к молодому дворянину, который всё ещё корчился от боли, не обращая внимания на то, что только что произошло с его верным слугой.

– А что до тебя, то ты как раз из тех, кого я ненавижу больше всего! – Одной рукой Лит держал его обездвиженным в воздухе, а другой без остановки избивал.

– Жизнь дала тебе всё! Деньги, красоту, светлое будущее, и всё, что ты можешь сделать с такими сокровищами, – это гнобить тех, кто и так изо всех сил пытается выжить?

Лит ненавидел людей больше всего на свете, и даже на Земле единственным, что сдерживало его ярость, были обязанности перед семьёй.

В новом мире не было ни камер, ни GPS, ничего. Была только сила, и на этот раз именно он владел ею.

– Знаешь, у меня есть очень больная сестра, – сказал Лит, выместив свой гнев.

– Я никогда не мог практиковать магию тьмы на живых существах, потому что использовать её на животных – это просто жестоко. Ты же, с другой стороны, просто монстр в человеческом обличье. Ты станешь прекрасным образцом для моих исследований.

Траун лес ещё несколько часов оглашался криками, прежде чем смерть пришла забрать свою награду.

Глава 12. Встречи (2)

Подходя к дому Селии, Лит почувствовал, как его терзает глубокое чувство стыда.

«Жаль было потратить столько хорошего снаряжения и конины, но у меня нет для этого правдоподобного оправдания. Нашей ферме очень пригодилась бы пара лошадей, но что, если бы кто-то их узнал?

«Слишком большой риск ради слишком малой награды. Уничтожить всё было правильным решением».

Закончив с экспериментами, Лит использовал магию тьмы, чтобы стереть любые доказательства произошедшего и обратить всё в пыль.

Селия была так рада заполучить двух белоснежных кроликов, что проговорила о своей острой нужде в их шкурках, чтобы выполнить заказ очень щедрого клиента.

Следуя заветам охотников, Лит воспользовался ситуацией.

– Охотники не оказывают услуг, они заключают сделки, – процитировал он.

В обмен на белоснежных кроликов Литу удалось получить полный комплект тёплой одежды качеством похуже, а Селия бесплатно лично выделает оставшуюся шкурку.

Это, а также три кролика, готовых к приготовлению, принесло ему большую похвалу от семьи, за исключением Орпала. Со временем он начал воспринимать как должное всю еду, которую приносил Лит, поэтому его ненависть и зависть вернулись, став сильнее, чем когда-либо.

«Эта мелкая Пиявка! Охотиться с помощью магии легко, любой идиот справится. Всё, что он делает – это пощёчина мне. Я никогда не получаю уважения, которого заслуживаю как первенец, и во всём виноват он!

«Сначала он выставляет напоказ свою охотничью удачу, потом строит из себя мученика, прося мать и отца отдать первый комплект меховой одежды этой никчёмшке Тисте. И что Тиста с ней будет делать? Болеть со стилем? Нет, Лит сделал это нарочно.

«Он знает, что мои глупые родители всё ещё злятся на меня за то, что я сказал правду об этой калеке. Лит сделал это лишь для того, чтобы я потерял лицо на его фоне».

Правда весьма отличалась от эгоцентричной интерпретации Орпала.

Лит по-настоящему любил свою мать Элину, старшую сестру Рену и больную сестру Тисту. Однако об Орпале он никогда не думал. Он лечил любого в семье, даже когда его не просили, кроме Орпала.

Лит делал это не из злобы или гнева, а просто потому, что существование Орпала в его глазах не имело никакого значения.

Литу было совершенно всё равно, жив Орпал или мёртв. Он не стал бы причинять ему вред, но и помогать бы не стал. Что касается Лита, они были совершенно чужими людьми, живущими в одном доме.

Лит хотел, чтобы Тиста первой воспользовалась его удачей, в надежде, что тёплая одежда позволит ей проводить больше времени с ним и Реной зимой и, возможно, даже поиграть в снегу.

В глазах Лита образ Карла часто накладывался на лицо Тисты. Он глубоко любил их обоих, и они были жертвами жестокой судьбы.

Лит не собирался позволить никому и ничему, даже врождённой болезни, отнять у него любимых людей.

Он страдал от мысли о том, как мало радостей жизни ей доступно. Чтобы дать Тисте возможность ощутить скорость и дуновение ветра на лице, Лит с помощью их отца, Рааза, построил для неё качели.

Это не было чем-то особенным – просто деревянная доска, прикреплённая к четырём туго натянутым верёвкам, свисающим с перевёрнутой П-образной деревянной рамы с треугольными опорами. И всё же результат вызвал у его семьи благоговейный трепет.

Казалось, в новом мире качели были неизвестны, или, по крайней мере, в Округе Люстрия.

Рааз с восхищением смотрел на результат их работы.

– Поразительно. Почему три деревянные балки, а не одна?

– Из соображений безопасности, – объяснил Лит, используя магию земли, чтобы последние 10 сантиметров (3,9 дюйма) балок ушли под землю, делая невозможным опрокидывание качелей из-за плохой погоды или слишком энергичного раскачивания.

– Таким образом, оба конца похожи на стул. Несколько ножек означают, что вес равномерно распределяется между ними, что значительно снижает нагрузку на каждую балку.

– Конечно! Теперь, когда ты объяснил, это так просто. Кстати, как мы назовём эту штуку?

Лит растерялся, он понятия не имел, как называется движение качания, и не мог сейчас об этом спросить.

– Э-э... Это кресло-качалка.

«Чёрт, почему я всегда прокалываюсь на мелочах? Это не кресло-качалка, но это самое близкое, что я смог придумать с моим нынешним словарным запасом», – подумал он.

Тиста влюбилась в его подарок, и «кресло-качалка» вскоре стало популярным развлечением для всей семьи. Дошло до того, что Раазу пришлось построить ещё парочку, чтобы избежать постоянных ссор.

Кроме того, после своих экспериментов с темной магией Лит провёл следующие месяцы, пытаясь применить и Видение Жизни, и Бодрость во время лечения симптомов Тисты.

«Если я смогу добиться такого же качества изображения тела Тисты, какое Бодрость даёт мне для моего собственного тела, я смогу лучше понять первопричину её состояния. Это будет означать гораздо больше шансов найти лекарство!» – подумал он.

В мгновение ока снова приблизилась зима, и приближался пятый день рождения Литы.

Лит был полон решимости использовать каждый день до наступления великих холодов, чтобы наловить как можно больше дичи и до отказа заполнить кладовую дома.

Он понятия не имел, насколько холодной будет грядущая зима, и хотя он, вероятно, был достаточно силён, чтобы пережить бурю, он сомневался, что родители позволят ему проверить свою теорию.

За последний год Лит исследовал всё большую часть Траунского леса, учась передвигаться, не тревожа животных. Он также открыл новые способы применения магии тьмы.

Его новейшее заклинание, Покров, позволяло ему скрыть запах своего тела и ауру, окутывая Литы тонким слоем темной энергии, что делало невозможным для большинства животных заметить его ни по запаху, ни инстинктивно.

Но это была нелёгкая задача. Даже малейшая ошибка могла превратить Покров в полноценное убийственное намерение, оповещающая весь лес о его присутствии.

В тот день Лит осваивал новую область глубоко в Траунском лесу. Он хотел исследовать странное ощущение, которое мучило его уже несколько дней.

В определённых частях леса Лит слышал раздражающий жужжащий звук, и до этого дня он всегда его игнорировал. Сначала Лит думал, что это зов какого-то странного, неизвестного животного, но за последние несколько дней шум стал сильнее.

«Чёрт, что бы это ни было, оно напоминает мне источник бесперебойного питания моего настольного компьютера во время отключения электричества. Просто уши режет», – подумал он.

Лит не мог не представить это как отчаянный крик о помощи. Он не понимал, откуда у него взялась эта мысль, но его чутьё подсказывало, что это нечто важное.

С тех пор, как Лит изучил боевые искусства ещё на Земле, он всегда следовал своему чутью, когда ему нечего было терять, и это был как раз тот случай.

Чем ближе он подходил, тем громче становился шум. Лит знал, что он на верном пути.

Он бежал на полной скорости, когда услышал леденящий душу вой. Лит немедленно использовал два своих спасительных заклинания: Покров, чтобы скрыть себя, и воздушное заклинание Легкие Ноги, чтобы парить в нескольких сантиметрах над землёй, делая свои движения бесшумными.

Оба требовали большой концентрации, но лучше было потратить немного маны, чем поглупому подвергать себя опасности. Он оставался спокойным и сосредоточенным, пока искал источник всего этого шума.

«Вот дерьмо! Это же Рай!» – подумал Лит, быстро спрятавшись за огромным деревом.

Рай был магическим зверем-волком, высшим хищником Траунского леса. Магические звери были более распространены и слабее монстров, но всё равно могли с лёгкостью разорвать на части полностью вооружённого солдата.

Не многие животные могли превратиться в магического зверя. Им нужно было обладать большим талантом к магии и достаточным количеством времени, чтобы питаться мировой энергией.

Когда животное становилось магическим зверем, оно могло использовать свою ману для усиления своих физических способностей и даже развивать заклинания, использующие стихии, к которым оно было предрасположено.

Рай был почти с лошадь величиной, с густым мехом огненного цвета.

Лит не мог понять, почему Рай подошёл так близко к человеческому поселению. Рысы были умными зверями, избегавшими ненужных неприятностей. Если люди избегали их беспокоить, они отвечали тем же.

Лит пожалел его добычу. Убедившись, что находится с подветренной стороны от Рая, он отменил оба заклинания, чтобы сберечь драгоценную ману, пока разбирался в ситуации.

Рай продолжал выть и рычать, словно от боли. Лит заметил, что каждый раз, когда морда Рая приближалась к земле, жужжащий звук становился пронзительным, и магический волк скулил от боли.

Теперь, скорее с любопытством, чем со страхом, Лит активировал Видение Жизни, чтобы оценить силу Рая.

Увиденное заставило его громко ахнуть.

Рай был невероятно силён, с потоком маны почти наравне с Литом. Но настоящей причиной изумления был второй поток маны, принадлежавший источнику жужжащего звука.

Это был маленький камень, меньше напёрстка.

«Какого чёрта? Этот камушек живой? Это всё объясняет! Шум, который он издаёт, должно быть, и привлёк сюда Рая, точно так же, как и меня. Судя по его реакции, для Рая этот шум гораздо более раздражающий, чем для меня.

«Я никогда не слышал о камнях с потоком маны, эта штука, должно быть, магический предмет. Я не могу позволить этому зверю его уничтожить», – подумал Лит.

Отбросив осторожность, Лит решил действовать и спасти магический камень.

«Моя жизненная сила уступает силе Рая, но если я смогу не подпускать его близко, я знаю, что смогу победить. Его поток маны уступает моему, и, судя по тому, что говорила Селия, у магических зверей нет атакующих заклинаний».

Сначала Лит снова активировал Покров, затем начал плести своё сильнейшее заклинание.

– Стрела Чумы! – сгусток темной энергии вылетел из его сложенных рук, поразив Рая в слепую зону, когда тот снова пытался расколоть шумный камень зубами.

Пронзительный звук и заклинание ударили одновременно, из-за чего магический зверь едва не потерял равновесие.

Стрела Чумы была заклинанием, которое впрыскивало плотную массу магии тьмы в свою жертву, нарушая как её поток маны, так и жизненную силу. Лит зарядил его настолько сильно, насколько мог, надеясь обратить зверя в бегство.

Прежде чем Рай успел обернуться в поисках врага, из ладоней Лита вырвался поток молний, ударив магического зверя с достаточной силой, чтобы сбить его с ног.

Увеличивая расстояние между ними, Лит отменил Покров ради Видения Жизни. Несмотря на внезапные атаки, Рай был всё ещё жив и силён.

Лит сосредоточил свою магию духа, используя обе руки, чтобы сломать ему шею на расстоянии, как он уже делал бесчисленное множество раз.

Рай не был глуп, и как только он почувствовал зловещее ощущение на своей шее, он напряг мышцы, укрепив их маной и сделав их твёрже стали.

«Чёрт! Вот и нет моего преимущества. Если бы я только мог использовать огненную магию, ты бы уже был зажарен до смерти. Может, ты просто уйдёшь? Эта штука моя! Моя!» – подумал Лит.

Он сотворил несколько ледяных дротиков и метнул их в магического зверя с разных сторон.

Рай с лёгкостью уклонился от всех них и ответил мощным магическим рёвом.

Лита спасло лишь расстояние. Оно дало ему время понять, что на него несётся мощный порыв ветра. Он отступил в момент удара, используя свою собственную магию ветра, чтобы рассеять порыв.

Его рукава разорвало в клочья, но, не считая нескольких поверхностных ран, он был в порядке.

«Твою ж мать! Большое спасибо, Селия. У магических зверей нет атакующих заклинаний, как же. Похоже, этому Раю записку не передали».

Рай бросился на Лита, используя свои порывы ветра, чтобы сбить его с ритма. Лит изо всех сил старался держать зверя на расстоянии, но разница в физической силе была подавляющей. Это был лишь вопрос времени, когда Рай достанет его.

«Ладно, если не можешь победить – беги. Если и это не работает, план В: драться грязно!» – подумал он.

Лит перестал убегать, чтобы предпринять последнюю атаку, прежде чем сдаться.

Он сотворил множество ледяных дротиков, но не метнул их, оставив их парить в воздухе вокруг себя.

После минутного колебания Рай решил проигнорировать их и бросился прямо на наглого вредителя.

– Хороший мальчик! Жри! Двойное заклинание! Вспышка и Банг!

Правая рука Лита произвела мощную вспышку света. На мгновение показалось, будто взошло второе солнце. Его левая рука, в свою очередь, использовала магию ветра, чтобы создать шум, сравнимый со взрывом.

Рай рухнул от боли, из его глаз и ушей пошла кровь, в то время как Лит был невредим. Он давно усвоил, что пока его собственные заклинания наполнены его маной, они не причинят ему вреда.

Он мог покрыть себя огнём, льдом или молниями, не получив ни единой царапины.

Когда Рай врезался в дерево, Лит наконец использовал дротики, метнув их со всей силой, какая у него была. Все они попали в цель, но густой магический мех не дал им пронзить зверя, пробив лишь несколько сантиметров плоти.

Лит немедленно проверил своего врага Видением Жизни, и результаты были ужасающими.

Рай был определённо ранен и ослаблен, но далёк от смерти.

«Чёрт! Столько усилий и такой незначительный урон. Если так пойдёт и дальше, скорее я выдохнусь или мне перестанет везти. Раю нужен всего один удар, чтобы убить меня. Это не стоит риска».

Лит использовал магию духа, чтобы забрать магический камень, прежде чем броситься бежать со всех ног. Камень был весь в следах от зубов, его острая поверхность колола кожу Литы.

– Прощай, лопух! – крикнул Лит всё ещё ошеломлённому магическому зверю.

– Увидимся через несколько лет, посмотрим, осмелишься ли ты снова на меня напасть! – маленькие капли крови коснулись камня, и шум прекратился.

Рай всё ещё пытался понять, что, чёрт возьми, только что произошло. Он всего лишь хотел, чтобы проклятый шум перестал причинять боль его ушам, когда появился этот свирепый человеческий щенок.

Рай пытался отпугнуть его и преподать ему урок, но в итоге урок преподали ему самому.

«Ба, да какая разница», – подумал Рай.

«Я хотел избавиться от этого дурацкого камня и, так или иначе, своего добился. Однако это был дерзкий щенок. Молюсь, чтобы он проявлял больше уважения к своей стае, чем ко мне.

«Иначе, когда он вырастет, он станет бичом для своих сородичей. Глупые люди и их жадность приносят одни лишь беды. Они неспособны позаботиться даже о своих собственных».

Рай, вожак всех стай в Траунском лесу, стряхнул с себя дротики, прежде чем вернуться к своей семье.

Глава 13. Новые решения, новые проблемы

Лит бежал, не останавливаясь, пока не выбрался из леса. Время от времени он поворачивал голову и, используя Видение Жизни, проверял, нет ли за ним погони.

«Следов Ри нет, но лучше перебдеть, чем недобдеть. Боюсь, я сильно разозлил эту тварь. Лучше дать ей время выпустить пар и найти добычу полегче».

Он был уже возле дома Селии, когда наконец вспомнил про магический камень в руке. Лит активировал Видение Жизни, чтобы рассмотреть его поближе.

Первое, что он заметил – острые края камня сгладились, и он больше не колот кожу. Поверхность всё ещё была шероховатой, но теперь он походил на каменный шарик.

Жужжание уже некоторое время как прекратилось, и жизненная сила магического камня, хоть и оставалась на том же уровне, значительно изменилась.

Когда он увидел его в первый раз, его жизненная сила была подобна свече, готовой вот-вот догореть, теперь же она стала стабильной.

Предупредить Селию о магическом звере было важнее всего, поэтому он спрятал камень в кожаный мешочек, который всегда носил на шее, и постучал в её дверь.

Лит всё ей объяснил. Он в деталях описал размеры и силу Ри, чем ошеломил её до глубины души. Конечно, о самой битве он не упомянул.

Лит сказал ей, что сбежал, как только они встретились взглядами, и что ему удалось уйти лишь благодаря магии. В качестве доказательства он показал ей свои разорванные рукава.

«Добрые боги, малой. – Она по-прежнему отказывалась называть его по имени. – Тебе очень повезло, что он тебя пожалел. Если бы Ри решил погнаться за тобой, мы бы сейчас не разговаривали. Тем не менее, спасибо, что предупредил сначала меня, а не побежал сразу к родителям». Селия взъерошила ему волосы.

«Как вы узнали, что я сначала пришёл сюда?»

«Потому что, если бы нет, твои родители, скорее всего, заперли бы тебя дома, а кто-то из них пришёл бы сюда, чтобы предупредить меня вместо тебя».

Лит замер. Он только что увернулся от пули, куда более страшной, чем любой Рай.

«Вы правы. Лучше им не рассказывать, иначе моим охотничьим денькам может прийти конец навсегда».

«Ага. Советую тебе отдохнуть до конца утра. Придумай какое-нибудь оправдание для этих рукавов и иди домой». Селия подошла к сараю возле своего дома, где у неё вызревала дичь.

«Возьми это в благодарность за предупреждение». Она протянула ему кролика и блинкера, готовых к приготовлению.

«Я как раз собиралась в лес. Думаю, вместо этого я лучше последую собственному совету и продолжу дубить оставшиеся шкуры. На охоту пойду после обеда, когда станет безопаснее».

Лит поблагодарил её низким поклоном, он знал, как ценно мясо в Лутии, даже для такой хорошей охотницы, как Селия. Не говоря уже о том, что она только что спасла его от вечного домашнего ареста.

Остаток утра он провёл, пытаясь понять, как использовать магический камень. Казалось, он питался маной Лита. Не высасывал её, как паразит, а скорее пощипывал ту ману, которую его тело высвобождало естественным образом.

Камень просто вдыхал то, что выдыхало тело Лита, и ничего более.

Лит попытался влить в него ману, но безуспешно. Затем он сотворил несколько стихийных заклинаний, держа камень в руке, чтобы проверить, не изменятся ли как-либо их сила, скорость сотворения или область действия.

Все его эксперименты не дали никаких результатов. Камень выглядел как самый обычный.

«У камней не бывает такого чёткого потока маны, и уж точно у них нет никакой жизненной силы. Может, этой штуке нужно время, чтобы исцелиться, перезарядиться или что-то в этом роде. Ри его сильно потрепал, надеюсь, он не сломан. Если он не начнёт мне вредить, я его оставлю.

«Может, это какое-то сокровище, или, может, я смогу найти что-нибудь о нём в одной из книг Наны. Нужно просто набраться терпения».

Последние несколько дней осени прошли без происшествий, пока не наступила зима.

Достигнув пятилетнего возраста, Лит раскрыл ещё немного своих магических талантов, оказавшись бесценным для своей семьи.

Он просыпался первым и с помощью магии прогревал весь дом, даже полы. К тому моменту камин разжигали только ради уюта и потому, что собираться у огня, особенно в ненастные зимние вечера, было семейной традицией.

Даже готовку доверяли Литу. Элина подготавливала еду, а Лит готовил её быстрее и лучше, чем конвекционная печь, поддерживая суп тёплым для всех на протяжении всего ужина.

Он больше не мог ходить на охоту из-за плохой погоды, его родители были непреклонны на этот счёт. Но Лит всё ещё мог ходить в дом Селии, чтобы выполнять для неё работу по дому.

За последний год она так обленилась, что стала зависеть от Литы в вопросах уборки дома и стерилизации инструментов.

Так Лит убивал двух зайцев одним выстрелом. Теперь у него был повод забирать свой личный запас мяса, когда бы он ни проголодался, а Селии приходилось платить ему за работу.

Лит делал бы это и бесплатно, лишь бы выбраться из дома, но его родители не согласились бы. Поэтому Селия платила ему несколько медных монет за уборку её дома и ещё немного – Элине за стирку.

И Элина, и Рааз были рады любому дополнительному доходу, а постирать на восьмерых вместо семерых не составляло большого труда. Особенно с учётом того, что Лит обеспечивал её бесконечным запасом горячей воды.

«Приятно познакомиться, я Лит, верховный бойлер», – каждый раз мысленно ворчал он.

В первые недели зимы Лит совершил очень важный прорыв. Он наконец-то понял, как использовать сканирование тела от Бодрости на других.

Теперь он мог позволить своей мане просочиться в тело другого человека и медленно взять под контроль его поток маны. Это позволяло Литу узнать всё о физическом состоянии своего объекта.

Единственный способ достичь такого результата – поддерживать физический контакт, ища пути, по которым мана могла бы проникнуть в тело пациента, не навредив ему.

Лит немедленно применил это на Тисте, и то, что он обнаружил, было ужасающим.

Её тело было полно смолоподобного вещества, которое за неимением лучшего термина он прозвал «нечистотами». И причиной тому были её лёгкие.

Едва ли половина лёгких Тисты состояла из здоровой ткани. Остальное предстало перед Литом в виде чёрно-коричневой массы, которая активно производила нечистоты. Со временем нечистоты распространились по здоровым тканям её лёгких и трахеи.

Сначала закупорка вызывала у неё лишь кашель, но вскоре это переросло в пневмонию.

Немного подумав, Лит был уверен, что нашёл способ получше всего, что он делал раньше, но он был очень смущающим.

Хотя его настоящий возраст был как у тридцатилетнего мужчины, он всё ещё находился в теле пятилетнего ребёнка. Ему было крайне неловко говорить на определённые темы, особенно с женщинами своей семьи.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, он позвал Рааза и Элину, чтобы попросить их о помощи и разрешении.

Ему пришлось сильно упростить объяснение процедуры, чтобы они поняли.

«Я не могу вылечить Тисту, пока нет. Но я нашёл способ, который должен значительно улучшить её самочувствие. В лучшем случае она сможет даже избавиться от большинства симптомов».

«А в худшем?» – спросил Рааз, полный беспокойства.

«В худшем – ничего не изменится. Но мне нужно, чтобы вы мне доверяли».

Вопреки его ожиданиям, они не стали ни возражать, ни задавать вопросов. Их вера в мастерство Литы во владении магией была безграничной, а в их глазах он был всего лишь пятилетним, в то время как Тисте было едва семь.

Она ещё не начала созревать, и для них всё было как вчера, когда они вместе купались в корыте.

Первая фаза была самой простой. Лит брал под контроль поток маны Тисты и переполнял её тело своей маной. Затем он заставлял нечистоты перемещаться от её внутренних органов к коже.

Всё это время она чувствовала лишь жар, будто у неё была лёгкая лихорадка.

Как только большая часть нечистот подходила к поверхности кожи, Лит потребовал завязать ему глаза и чтобы либо Элина, либо Рена наблюдала за процессом.

Тиста была всего лишь ребёнком, и Лит боялся, что со временем могут возникнуть подозрения. В Средние века на Земле инцестуозные отношения были отвратительно распространены, и он отвергал даже самую мысль о том, что его могут счесть извращенцем.

Вторая и последняя фаза требовала, чтобы Тиста сидела в корыте, которое Лит предварительно наполнил горячей водой с мылом.

Он отчётливо помнил вонь, которую источали нечистоты, а зимой проветривать дом было трудно, особенно учитывая состояние Тисты.

Холод был её злейшим врагом.

Затем, используя магию воды, он мог наконец извлечь нечистоты. Он создавал потоки и управлял ими, массируя всё тело Тисты. Лит как можно скорее уничтожал нечистоты с помощью темной магии, не давая им выпустить свой запах.

Это был сложный процесс, требующий использования магии воды и магии тьмы при постоянно активной Бодрости. После процедуры он также использовал магию воды, чтобы убрать всю оставшуюся на её теле воду, а затем смешивал магию огня и ветра, чтобы создать импровизированный фен.

Когда всё наконец закончилось, Тиста выглядела так, словно только что вернулась из спа-салона, в то время как Лит выглядел, будто только что вернулся с рудников. Он был весь в поту и задыхался.

«Как ты себя чувствуешь?»

Тиста сделала несколько глубоких вдохов.

«Я никогда не чувствовала себя так хорошо! Вообще никогда! К тому же я всегда мечтала принять ванну зимой, а не обходиться обтиранием мокрыми тёплыми полотенцами. Спасибо, братик, ты только что исполнил два моих желания!» Она попыталась обнять его, но он вскинул руки, защищаясь.

«Пожалуйста, не надо. Я сейчас отвратителен, не порти мою тяжёлую работу. Мне нужна ванна, немного еды и два часа отдыха. Минимум».

Его мать и старшая сестра кивнули.

«Лит, дорогой, а что это ты такое делал с водой?» – спросила Элина.

«Вы имеете в виду...»

«Чёрт, не могу же я сказать ей, что имитировал гидромассаж, здесь нет латыни. Как и назвать это джакузи или чем-то в этом роде. Да ладно, я слишком устал для новых выходов», – подумал он.

«...водный массаж?»

«Да, он самый! Это выглядело так расслабляюще. Тиста много раз засыпала во время своей процедуры. Наверняка это очень приятно», – слова Рены были полны ожидания.

«А ту штуку для сушки волос, ты мог бы сделать ещё раз?» – Элина подняла ставки, и с каждой секундой их цель становилась всё очевиднее.

Лит был на грани обморока, у него не было времени на любезности.

«Вы хотите сказать, что тоже хотели бы горячий водный массаж?»

В ответ последовало ещё больше кивков, пока Рена и Элина складывали руки в безмолвной мольбе.

«Но... – запнулся Лит. – Вы обе...»

Он пытался найти вежливый способ сказать «привлекательные». Лит всё ещё помнил обнажённое тело Элины, когда был младенцем, и она очень хорошо сохранилась.

Рене теперь было одиннадцать. Может, дело было в деревенском образе жизни, может, это было связано с новым миром, но у неё уже начался скачок роста, и начали появляться изгибы. Она становилась приятной и мягкой во всех нужных местах.

Лита и так терзали угрызения совести из-за водного массажа для его младшей сестры, а ведь Тиста была плоской как доска. Только её длинные волосы выдавали в ней девочку, а не мальчика.

«Мы – семья. Все мы мечтали о возможности принять ванну зимой, не простудившись или чего похуже. Ты и представить себе не можешь, какими вонючими мы становимся после работы в сарае, в окружении запаха скота и его навоза.

«Иногда вонь бывает такой сильной, что мы даже спать по ночам не можем. Неужели ты не можешь помочь и нам?» Элина, его мать, совершенно не обращала внимания на беспокойство Лита и пыталась сыграть на его чувстве вины.

Лит сдался.

«Хорошо. Только дайте мне немного отдохнуть, а потом я вам помогу. Но вам всё равно придётся завязать мне глаза, и я требую свидетеля!»

Они обе громко рассмеялись.

«Чего ты так волнуешься? Ты же просто ребёнок, а не какой-то головорез».

«Я бы хотел сказать, что я джентльмен, но не знаю такого слова. Я мог бы сказать, что я мужчина, но это заставило бы их смеяться ещё сильнее. Дурацкое пятилетнее тело», – подумал он.

«Приличия». Это было единственное слово в его словарном запасе, к которому он мог прибегнуть.

«Чёрт, зима будет чертовски долгой».

Глава 14. Конфликты

Как и предсказывал Лит, его пятая зима обещала быть весьма интересной.

Лечение Тисты требовало как минимум двух сеансов в неделю, каждый из которых длился около четырех часов. Два часа уходило на саму процедуру, а оставшееся время было необходимо ему, чтобы вымыться и восстановить силы.

Манипуляции с потоком маны Тисты с одновременным использованием огненной, водной и темной магии каждый раз давались нелегко. Хорошая новость заключалась в том, что благодаря такой большой практике он привыкал создавать и поддерживать активными сразу несколько заклинаний.

Каждая процедура давалась легче предыдущей, и её симптомы быстро ослабевали. Тиста теперь могла помогать по хозяйству и ухаживать за скотом.

Она даже могла позволить себе долгие прогулки на улице, когда погода была хорошей.

Плохая новость заключалась в том, что отношения Лита с братьями стали хуже, чем когда-либо. Каждый раз, когда Тисте становилось лучше, кто-нибудь упрекал Орпала за его прошлые слова, а если никто этого не делал, то это делала сама Тиста.

Приступы ярости Орпала очень ранили её. Его жестокие слова разрушили образ идеальной семьи и заботливого старшего брата, который она всегда хранила.

Тиста была унижена и предана. Она не собиралась так легко его прощать.

Вскоре после того, как стали доступны горячие зимние ванны, Рааз тоже начал часто мыться.

Орпал и Трион были единственными, кто остался в стороне. Орпал – потому что не мог вынести мысли о том, что придётся просить что-то у Лита, особенно если это нужно было делать вежливо.

«Я старший брат, я не должен выпрашивать услуги у сопляков. Я должен отдавать приказы и чтобы меня за это уважали! Эта Пиявка теперь настроила против меня даже эту калеку!»

«Я не могу поставить Тисту на место, иначе она выставит меня злодеем, который издевается над больной маленькой девочкой. Манипулятивная с*ка!» – думал он.

Трион оказался меж двух огней. Он очень любил Тисту, но также любил и уважал Орпала. Трион был единственным, кто оставался на его стороне, поэтому у него не хватило духу предать их узы.

Поскольку все остальные пахли свежестью и чистотой, их вонь резко выделялась. Даже при всей доброжелательности семьи, время от времени было невозможно избежать брезгливых гримас.

Когда Тиста впервые прозвала этот дуэт Орпупом и Т-риком, она до слёз рассмешила всю семью. Орпал и Трион винули в своём унижении Лита, но он, как и всегда, просто их игнорировал.

Рааз смастерил Литу снегоступы и стал проводить с ним всё больше и больше времени. Рааз также начал давать ему уроки по ведению фермерского хозяйства и учить вырезать по дереву. Лит был ещё очень мал, но, зная, что он способен освежевать и выпотрошить свою добычу, Рааз счёл, что доверять ему нож для резьбы не рискованно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.